

Continued

1918.

Ив. Вольновъ.

Р. 13.588

НА ОТДЫХЪ.

(БЫТОПИСЬ).

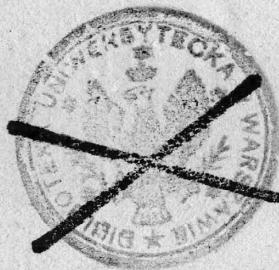
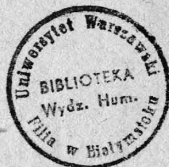
МОСКВА.

1918.

BIBLIOTEKA UNIwersYTECKA
im. Jerzego Giedroycia w Białymstoku

FUW0557729

Тип. Акц. Общ. «Печатное Искусство», Москва.

НА ОТДЫХЪ.

(БЫТОПИСЬ).

Напитаеши насъ хлѣбомъ слезнымъ
въ мѣру. Положилъ еси насъ въ прере-
каніе сосѣдомъ нашимъ. Господи, Боже
силь, обрати на ны лице Твое.

ПСАТЛИРЬ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Профессоръ натурнаго класса, хорошій знакомый Вострухина, посоветовалъ ему помѣстить въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ» объявленіе о томъ, что онъ, ученикъ академіи, ищетъ живописную работу въ сельской церкви. Профессоръ увѣрялъ, что на это объявленіе скоро же отзовется много батюшекъ, тѣхъ добрыхъ хозяевъ прихо-довъ, что съ ревнивымъ усердіемъ заботятся объ украшеніи своихъ храмовъ, и его, какъ академиста и знатока древне-византійской церковной живописи (объ этомъ надо упомянуть въ объявленіи), въ селѣ примутъ съ распростертыми объятіями. Профессоръ вспоминалъ свои ученическіе годы, когда такъ же «гастролировалъ» по Россіи въ поискахъ лѣтняго заработка. Время это считалъ лучшимъ въ своей жизни.

Заходившіе къ Вострухину товарищи настойчиво предлагали воспользоваться совѣтомъ и провести лѣто въ деревнѣ, отдохнуть отъ недоѣданія, суптолки столичной жизни, газетъ, умныхъ разгово-ровъ, сырыхъ и неуютныхъ «меблирашекъ», — отдохнуть, поправить здоровье и нервы.

Особенно настаивалъ на отъѣздѣ граверъ Сеньковъ, сѣроволосый полудѣланный, бывший регентъ монастырскаго хора.

— Ты не глян, что тамъ будетъ скучно, скуки нѣтъ, Яфимъ. Выбери лѣсъ, этакія сосны... въ родѣ Исаакиевскаго собора... чтобы духъ, знаешь, радовался, и чтобы смолой пахло...

Сутулый, безцвѣтный, съ широкими ладонями, выпиравшими изъ рукавовъ пиджака, по-птичьи поглядывая однимъ глазомъ на закутаннаго въ плащъ Вострухина, онъ бѣгалъ по комнатѣ, цѣпляясь за все, краснѣя, неловко одергивая пиджакъ.

— Составимъ объявленіе... глядишь, недѣльки черезъ двѣ: пожалуйте!.. И милое дѣло! По крайней мѣрѣ, годъ не пропадетъ... Гуть что-ли корысть плѣсневѣтъ!..

— Н-не знаю, подумаю...—неувѣренно отвѣчалъ Вострухинъ.

— О чемъ же думать?—недоумѣвалъ граверъ.—Отъ кислыхъ хумъ голова, Яфимъ, пухнетъ.

Сообща съ зашедшими товарищами Сеньковъ составилъ объявленіе и, счастливый тѣмъ, что одинъ изъ лучшихъ его друзей, талантливыи паренъ, увидить и пожить въ любимой имъ деревнѣ, побѣжалъ, весело насвистывая, въ контору «Церковныхъ Вѣдомостей».

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Вострухинъ только что оправился отъ болѣзни. Уѣхать изъ Петербурга, отдохнуть, набраться силъ, приработать на будущую зиму денегъ было необходимо, но мысль о деревнѣ волновала его. Сынъ армейскаго офицера, проведеннй дѣтство и юность въ глухихъ стѣнахъ кадетскаго корпуса, онъ зналъ мужиковъ только въ лицѣ своей старой няни Петровны, истопника корпуса Чурилы, какъ удавъ прожорливаго парня, да нѣсколькихъ знакомыхъ дворниковъ, но и тѣ говорили, что они не сиволдан изъ деревни, а люди, слава Богу, самостоятельные. А послѣ корпуса, въ томъ городѣ, гдѣ квартировалъ его полкъ, потомъ въ Петербургѣ, куда, выйдя въ отставку, онъ перѣѣхалъ, онъ видѣлъ множество Ивановъ и Федотовъ, Поликарповъ и Ульяновыхъ, дворниковъ и полотеровъ, каменщиковъ, кучеровъ, городскихъ, швейцаровъ, но все они чуждались, какъ проклятаго мѣста, деревни, о пріѣзжихъ въ городъ грязныхъ, лохматыхъ му-

жикахъ говорили съ презрѣніемъ, грубо кричали на нихъ. А тѣ съ растерянными лицами и непокрытыми головами робко жались къ стѣнамъ, всему подчинялись, все ихъ пугало, до всего боялись дотронуться. Какъ неизбежное принимали пинки и олеухи городовыхъ, окрики или свистки дворниковъ и мастеровщны.

Часто видѣлъ Вострухинъ тѣхъ же мужиковъ, съдобородыхъ, похожихъ на евангелистовъ, растерянно стоящими на перекресткахъ улицъ и горько о чемъ-то плачущими скупыми мужицкими слезами. И странно было видѣть ихъ, откуда-то принедршихъ, дикихъ, худатыхъ, обросшихъ боровыми мхами и крѣпко-кряжистыхъ, плачущими. Но ни разу не спросилъ онъ, почему они плачутъ. Еще чаще видѣлъ пьяными, безобразно валяющимися въ пыли и лужахъ, горлающими дикія волчьи цѣсни жуткими, лѣсными волчьими голосами. Но онъ ни разу не поинтересовался, зачѣмъ они пьютъ, зачѣмъ, какъ скотина, валяются въ навозѣ, какъ звѣри, воютъ. Но все это, какъ ему казалось, и какъ это отчасти было, было не то. Ту доподлинную деревню съ мужиками въ лаптахъ и шляпахъ-трещовикахъ, съ бабами въ цвѣтныхъ паневахъ, деревню овраговъ съ голодными волками, зимнихъ сугробовъ выше крышъ, прозныхъ аграрныхъ бунтовъ, деревню разнузданныхъ становыхъ, безграмотныхъ сельскихъ учителей, всеильныхъ волостныхъ пѣяковъ,—эту деревню Вострухинъ зналъ только по газетамъ да книгамъ.

Но однѣ изъ нихъ ставили невѣдомый ему мѣръ на божинцу, друти—тѣнтывали въ грязь. И не было между этими противорѣчивыми мнѣніями той нужной, наиболѣе приближающей къ дѣйствительности и наиболѣе добросовѣстной середины правды, которая дала бы ему настоящее представленіе о деревнѣ. И это вызывало чувство досады, порой переходившее въ раздраженіе.

За трехлѣтнюю полковую жизнь передъ глазами Вострухина прошли сотни мужиковъ—солдаты. Были между ними и тѣ душевные и великолѣпнѣйшіе ребята, о которыхъ съ любовью говорилъ граверъ Сеньковъ. Были и воры, и пьяницы, и преступники. И то, что, поселившись въ деревнѣ, ему придется стать лицомъ къ лицу съ этой кермяжной загадкой и самому, безъ посторонней помощи, рѣшить ее, волновало Вострухина.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ объявленія, какъ и предполагалъ Сеньковъ, изъ разныхъ уголковъ Россіи стали приходиться предложенія работы.

Разложивъ карту, Вострухинъ, Сеньковъ и Подгорскій, угрюмый съ опущенными внизъ черными усами молодой художникъ, внимательно искали эти мѣста.

Былъ конецъ марта. Петербургская зима была еще крѣпка, но къ полудню уже тепло и ярко пригрѣвало солнце, и сейчасъ оно весело играло на блестяще выпуклыхъ бокахъ самовара, золотыми искорками купалось въ недопитыхъ стаканахъ чая, скользило радужными нитями по волосамъ и спинамъ склонившихся товарищей.

— Ты, Яфимъ, не лѣзь сюда пальцемъ,—тараторилъ Сеньковъ:— тутъ не по тебѣ: степища, рѣченка съ волосъ... Нѣ-ѣ, сюда не надо.— Граверь оттащилъ палецъ Вострухина отъ Самарской губерніи.— Это—если на Волгѣ—хорошо, а Бугульминскій уѣздъ не годится. Ты глянь на Черниговъ...

— А по моему—на Цну, въ Тамбовскую, я тѣ мѣста знаю,—воднялъ голову Подгорскій:—тамъ удивительныя весны.

— На Цну?—задумался Сеньковъ.—Это ты, Борисъ, хорошо указалъ. Цна—это важно.

— Луга тамъ красивые...

— Сосна, гуль, ликованье,—подхватилъ граверь,—росы, да?

— Насчетъ ликованья не знаю...

Послѣднее время весельчакъ Подгорскій, встрѣтившись нѣсколько разъ съ символистами, которые гдѣ-то и когда-то «заглянули въ жутко-таинственные глаза смерти», сталъ считать себя большимъ пессимистомъ и старался чужой и свой восторги расколачивать.

Остановились на Цнѣ, поемныхъ лугахъ и чернолѣсьи. Сеньковъ немного насупился: ему хотѣлось, чтобы Вострухинъ поселился рядомъ съ сосновымъ боромъ, гдѣ сладко нахло бы олонеккой смолой, а въ Тамбовской губерніи, говоритъ Подгорскій, сосна рѣдка: больше дубъ и липа.

— Зато какіе!—гудѣлъ художникъ:—Эйфелевы башни!

— Да, это ничего, если Эйфелевы... въ бурю, поди...—нехотя соглашался Сеньковъ.

— Не въ одну бурю!

— Да, это можно одобрить... Яфимъ, ты одобряешь?

Сѣли за составленіе отвѣтнаго письма церковному старостѣ, но въ комнату ввалилась новая компанія. Цну раскорили. Каждый предлагалъ свою родину, свою губернію и клялся, что красивѣе нельзя найти въ свѣтѣ. Возбужденному Сенькову уже хотѣлось, чтобы Вострухинъ побывалъ не въ одномъ селѣ, а въ трехъ или четырехъ: въ одномъ подышалъ смолою, въ другомъ поохотился на тетеревовъ, въ третьемъ поймалъ рыбы.

— Яфимъ! Яфимъ! а по дорогѣ на Цну заѣдешь,—ладно? Развѣ большой крюкъ? Чепуха! Обязательно запиши адресъ.

Послѣ ожесточеннаго спора установились на большомъ великоросскомъ селѣ въ средней Россіи, гдѣ были и сосновый боръ, и рѣка, и дичь, и сходныя условія работы.

Черезъ недѣлю товарищи справляли прощальный обѣдъ. Вострухинъ былъ угрюмъ: съ мыслью о поѣздкѣ въ деревню все никакъ не могъ освоиться, все казалось, что ѣдетъ куда-то далеко-далеко, въ чужую, жуткую страну, къ чужому жуткому народу.

— Интеллигенты—они всѣ на одну колодку плетены!—крутился на стулѣ подвыпившій Сеньковъ:—дальше Питера, пусто ему будѣ, бояться носъ высунуть... Сто пятьдесятъ милліоновъ удивительнѣйшаго, талантливаго народа, а они только бы въ своемъ хлѣву хирѣть!..

Послѣ обѣда, помогая Вострухину складывать пожитки, граверь, счастливо улыбаясь, хлопалъ его по плечу, подмаргивалъ:

— Препояши мечъ твой по бодрѣ твоей, сильно, красотою и добротою твоею, и паляци и успѣвай... Эхъ, ты, Господи помилуй, ажъ не вѣрится, что я тебя выпроваживаю!..

Ставъ на цыпочки онъ обнялъ Вострухина.

— Ты, глянь, пиши, Яфимъ. Не будешь писать, осерчаю. У-у, ты, демонъ!.. Жистота тебѣ будетъ!..

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Съ недѣлю не показывалось солнце, и все время дулъ теплый юго-восточный снѣгождъ. Какъ сквозь густую кисею, черезъ мутно отпотѣвшія окна брезжилъ туманный день, сѣрый и липкій. Вблизи глухо дышала напружившаяся рѣка. На осклизлую воротню съ расклевывающимися отпечатками лаптей съ крыши звонко падали хрустальные сосульки.

О. Евлампій, смуглый горбунъ лѣтъ 35, и о. Никодимъ, русобородый и русогривый бабникъ, пили по третьему стакану чая, когда дверь въ горницу широко раскрылась и Анроська, дѣвка съ кухни, возмолванно выкрикнула:

— Идетъ... въ сѣрой пальтушкѣ!..

Евлампій покосился на бутылку съ коньякомъ.

— Ничего, не схимникъ,—лови взглядъ его, сказалъ Никодимъ. Въ дверь постучали.

Дьяконъ, сидѣвшій на углу стола, и церковный староста, сѣдой, въ тонкаго сукна поддевкѣ, круглый, румяный и смѣшливый мужикъ, поднялись, пряча за спину руки.

— Войдите,—визгливо крикнулъ Евлампій, зажимая въ ладони отрывокъ сахара.

Вошелъ Вострухинъ. Онъ былъ блѣденъ отъ бессонницы. Мужиченко, барскій почтальонъ, вызвавшійся довести его до Салтыкова, угораздилъ въ оврагъ съ водой. Оба выкунались и съ трудомъ спасли обезсмысленную лошадь.

— Паж-жалуйте, господинъ художникъ, очень рады,—заржалъ Никодимъ, размахивая протягивая руку.—Съ холодку наперсточки позволяете?

— Нѣтъ, спасибо.

О. Никодимъ удивленно поднялъ брови.

— Неужели не употребляете?

Минутельный, странно робѣющій при чужихъ, Евлампій негайно выскользнулъ за перегородку.

Въ горницѣ было жарко. Въ простѣнкѣ между оконъ съ визающими занавѣсками тикали часы подъ трехцвѣтнымъ «японскимъ» вѣтромъ. На столѣ, между толстостекольных рюмокъ и стакановъ,

стояли тарелки съ огурцами, рыжики, кислая кануста съ золотисто-красными брусочками моркови, домашнія булки, нѣсколько сортовъ варений. Гдѣ-то за стѣной трещали и насвистывали пѣвчія птицы.

— Заведеніе отца Евлампія,—шевели обручками-пальцами, скромно улыбаясь въ подстриженную бороду, пояснилъ Вострухину староста:—любители Божьей птицы. Куръ у него, господинъ художникъ, еще не видѣли? замѣчательныя!

Вошла дорогая, съ густымъ слоемъ пудры на лицѣ, не въ мѣру высокогрудая женщина.

— А я немного вздремнула,—остановившись въ дверяхъ и глядя прищуренными, косящими глазами на Никодима, нараспѣвъ проговорила она. Увидѣла Вострухина:—«Господинъ художникъ, не правда-ли?—будто близкому, обрадовалась она, подавая бѣлую, мягкую руку.—Пріѣхали? А мы гасъ на Красную горку ждали. Вы прямо изъ Петербурга?

Дьяконъ громко захохоталъ.

— Вы деревянную желѣзку нашли, о. дьяконъ?—удивленно-ласково спросила попадья.

— Нѣтъ, ничего, я—такъ, я—ничего,—смущенно заборзотала она.—Я думала насчетъ дьяконицы...

— Это мило. Вы еще посмѣетесь?

— Вотъ, Господи, нѣтъ же! Я испарокомъ...

Вернулся Евлампій. Сѣлъ, осутулившись, за самоваръ, перебирая черную, съ синимъ отливомъ, узкую бородку.

— У насъ вольно!—комыхался Никодимъ.—Ружьишкѣ не балуетесь? Я грѣшенъ.

Свободнымъ взмахомъ, откидывая назадъ пышные волосы, онъ грузно шагнулъ по низкой горницѣ, сбивая сапогами дерюжные полотья, скриня половицами.

Изъ за самовара просунувъ голову Евлампій. Опустивъ каре-выпуклые маслины—глаза, тихо спросилъ:

— Извините меня, господинъ художникъ, но какъ ваше нмн—отчество?

— Ефимъ Михайловичъ,—вскозъ отвѣтилъ Вострухинъ, по-вольню любясь богатиремъ Никодимомъ.

Евлампій еще больше сторбился, плотно прижимая безкровныя руки къ колѣнямъ.

— Хорошее имя,—похвалил церковный староста:—кабы Андреем звать, моему бы внуку тезкой: Андрей Первозванный. Раздавить, господин художник, по маленькой?

— Я не пью.

— Да чего-жъ такъ, а съ предверіемъ-то?—подхватилъ Никодимъ.—Нынче бабы яйца красятъ. Дьяконъ, соблазнимъ единого отъ малыхъ силъ!

Дьяконъ схватилъ Вострухина за руки, таща къ бутылкѣ.

— Ну, ну? Не стѣсняйтесь!

Но художникъ отказался пить.

Плавнo качаясь на ярко-красныхъ, упругихъ вѣтвяхъ вербы, въ напесадникѣ трещали воробьи. Изъ за перегородки имъ съ азартomъ вторилъ птичій хоръ Евлампія. Пожилой работникъ отбивалъ отъ порога грязные, съ навозными прослойками ледяки. По улицѣ проходили бабы и подростки съ мѣшечками пшеничной муки на пасху, шлепали по лужамъ мокрыми лаптями, смѣялись.

Въ красномъ углу, передъ старинными образами, теплилась лампадка. Маленькое пламя днемъ казалось ржавымъ, подмигивающимъ. Рядомъ съ образами были разставлены сухіе васильки, отъ времени ставшіе фіолетовыми, золотистые связки колосьевъ-двойниковъ. Стѣна надѣво отъ иконъ правильнымъ восьмиугольникомъ была увѣшана фотографіями въ деревянныхъ, домашней работы, рамкахъ.

— Вы знаете, господинъ художникъ, въ нынѣшнемъ году на недѣлю опоздали жаворонки,—подвигаясь къ Вострухину, пошуточно сообщилъ Евлампій.

— Да?

— Да, представьте себѣ, ровно на недѣлю. Въ прошломъ году Пасха была 18-го апрѣля, таять начало на пятой недѣлѣ поста. Въ субботу, на пятой-же, прилетѣли грачи. Я первый разъ услышалъ жаворонковъ рано утромъ 6-го апрѣля, возвращаясь съ прихожанымъ Лазаремъ Безпаловымъ отъ его больной жены изъ селенія Годубочки, надъ которой было совершено таинство елеосвященія...

Евлампій вытеръ потъ съ блѣднаго, въ черныхъ точечкахъ, лица.

— А въ нынѣшнемъ году, уже узнавъ о нашемъ благополучномъ прибытіи въ Салтыки, я вышелъ на гумно, чтобы разспросить церковнаго караульщика Корнея или, какъ зовутъ его міряне—Корня, у котораго временно вы изволили остановиться...

— Приѣздъ-то былъ не совсѣмъ благополучнымъ,—улыбнулся Ефимъ Михайловичъ.

— Развѣ?—испуганно привсталъ Евлампій.

— Наслышаны!—затрясся Никодимъ.—Онъ же дуракъ, этотъ Марей! Бал-вань! Читаетъ латинскую грамматику!..

— У стараго скирда, около котораго шелъ навстрѣчу ко мнѣ караульщикъ,—Евлампій робко притронулся къ рукаву разоѣяннаго слушавшаго художника,—я услышалъ тюрюканье, но было еще туманно, я, чтобы удостовѣриться въ догадкѣ, спросилъ у сторожа: не слышитъ ли онъ чего-нибудь?

— Подожди, Евлампій!—съ досадою перебила попадья.

— Ега-бить некому, подлеца!—продолжалъ Никодимъ.—«Въ латынскомъ народѣ меня звали бы Маркусъ домине, гляжу вотъ, гляжу, да какъ двину въ Латынь-землю, пропадите вы тутъ пропадомъ!..» Понъ засучилъ рукава:—Вотъ этимъ бы давонуть по рѣшницѣ, узналъ бы домине.

—... «Нѣтъ, батюшка, не слышу», отвѣтилъ мнѣ Корень.—А не слышишь ли ты какъ бы тюрюканья сверху?—спросилъ я:—повернись лицомъ къ полю, Корень.—«Какъ будто очень тюрюкаетъ»,—отвѣтилъ онъ, прислушавшись:—«что это такое, батюшка: знаменіе намъ, грѣшнымъ?»—Нѣтъ, говорю, Корень, мнѣ кажется, жаворонки прилетѣли.—«Мнѣ тоже кажется!»—радостно воскликнулъ караульщикъ:—«некому больше тюрюкать!»

— И попросилъ на водку,—съ гримасой вымолвила жена.

— Что-жъ дѣлать, это слабость его,—потупился Евлампій.

Никодимъ, запустивъ лапы въ бороду, всколзъ переглянулся съ Вострухинымъ.

— Д-да, жавороночки...

— Любите, батя, жаворончечекъ?—хихикнулъ ктиторъ.

— Люблю, грѣшный... съ зобкомъ...—Понъ посмотрѣлъ на потупившуюся матушку.—Очень люблю.

Вязко, насыщенно, широко ударилъ колоколъ. Всѣ перекрестились.

— По послѣдней, дьяконъ!—паникуя на вилку темно-оливковый дощикъ огурца, кивнулъ Никодимъ.—Стало-быть, будемъ знакомы, господинъ художникъ... Поживемъ вмѣстѣ, посоримся, помни-

римся, выйдемъ... узнаете нашу сѣрую поповскую жизнь... Василь Михайловичъ, подвигайтесь къ «утоли моя печали»... Эхъ, чертъ побери!..

Ктиторий и дьяконъ стали досасывать бутылку.

Плавными, звучно-величественными волнами донесся второй удар колокола.

Евдѣмій, подбирая безхровными руками распахнувшіеся полы подрясника, пошелъ за перегородку. Три пары глазъ насильственно заискрились, провожая его.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Разыгравшійся вѣтеръ прогналъ сѣрыя волны тучъ, тамъ и тутъ, какъ пѣньи на поляхъ, заглубилъ пятна весенняго блѣдно-голубого неба. На манерти жалось нѣсколько древнихъ стариковъ и старухъ съ бѣлыми, какъ ленъ, волосами. Увидѣвъ «барыню», всѣ робко припали къ стѣнѣ, кланяясь въ поясъ. Вострухинъ прошелъ въ караулку.

— Боговъ подновлять прѣхаль...

— Быть, завтра утопъ съ Марейкою-латырцемъ.

Въ сѣняхъ, съ цука соломы, поднялась беременная, лѣтъ тридцати, баба.

— Мужъ хвораетъ, — хриплымъ голосомъ проговорила она, глядя воспаленными глазами на художника. — Мнѣ давиться? Ихъ не отеро!

— Это — Марейкина полюбовница: не вѣнчаны живутъ, — пояснила Вострухину благобразная старушка въ бѣлыхъ, чистыхъ опухахъ.

— Давиться мнѣ, ахъ какъ? — снова спросила баба. Неуклюже лапая ладонями по полу, она упала передъ Вострухинымъ на колѣни. — Ай и ты не пожалѣешь? Отецъ — мать хуже волковъ, ай и ты такой-же? Мнѣ пропадать съ дѣтниками.

— Бога бы вспомнила, потаскуха, что тебѣ на томъ свѣтѣ будетъ, — забросилась на нее старуха. — Какъ у тебя нѣтъ огня — махри, а я — кто? Не безчестила-бы на старости лѣтъ!..

— Уйди, — беззвучно прошептала баба.

Всю дорогу баба не проронила ни слова, и только когда они подошли къ полуразвалившейся избенкѣ, съ приваленными къ стѣнѣ жердями, крытыми навозомъ, остановилась, тяжело дыша, мутно оглядывая художника.

— Сожгли насъ. Чужіе грѣхи считаютъ, а сами хуже дьяволовъ. Старшинина дочь, кунца въ домъ ждали. А я ушла къ голодраному недоумку, презрела ихъ богатство-то...

Наклонивъ низко голову, она первую пролѣзла въ темную щель, служившую входомъ. Вмѣстѣ съ дѣтскимъ крикомъ, изъ полусумрака избы на Вострухина пахнуло зловоніемъ, какъ изъ выгребной ямы. Съ закружившейся головой онъ шагнулъ вслѣдъ за женщиной въ избу и присѣлъ отъ тупого удара въ темноту.

— Что — отвѣдали? Это у насъ ловушка! — старчески дробно захихикалъ кто-то изъ потемокъ. — Дьяконъ, вражина, ни одной Святой не пропускастъ.

— Ничего, ничего, — забормотала Вострухинъ, чувствуя, какъ ротъ его наполняется теплымъ, а прикушенный языкъ бухаетъ.

— Это у насъ аппаратъ такой!..

— Подожди-же, батя, лѣзешь къ образованному господину съ такими рѣчами. Извините его, Ефимъ Михайловичъ.

Въ разслабленномъ голосѣ Вострухинъ узналъ Марю, глупого, безнѣтнаго мужиченка въ солдатскомъ картузѣ, который привезъ его со станціи.

Искалъ его глазами, но мѣшалъ полумракъ.

— Загадѣлъ, чтирь, слова нельзя сказать, — заворчалъ старикъ. — Може, тебя Богъ и наказалъ за это, непочетника. Ваше благородіе, дозвольте послушать чуду: онъ у насъ спатился разъ. Призеръ отъ какого-то дурака Библию: читать, батя, буду до заутрени. Я ти, молю, дьявола, почитаю, голова распухнетъ!..

— Да брось, невѣжа!

— Дай досказать! Я, гритъ, при лаппадѣ. Торчитъ: а-а, бе, сорь, владыка, привязалъ лѣзу за языкъ, судержалъ видимыхъ, безвидимыхъ... Чортъ его знаетъ, что набираетъ, реветъ на всю избу!..

— Перестань!..

— Я не стерпѣлъ да во всю плотку на его: гавъ! гавъ!.. по бо-бачиному. Какъ онъ възгнетъ, да подѣ лавку, въ золу: «сатана! са-

тана!»—да обь стѣну головой... Мы его въ сумашедій домъ возили... А теперь въ Латырь-землю мѣтить: «не хочу, батъ, съ вами жить, вы, батъ, не читари»... Поѣдешь глину нюхать!..

Маленькія окошечки цвѣта ржавой воды наполовину забиты тряпьемъ. Вострухинъ сѣлъ на какомъ-то ящикѣ у стола. Въ короткой, продымившейся рубашенкѣ, къ нему подошла дѣвочка лѣтъ восьми съ испуганными голубыми глазами съ братишкой на рукахъ. Ребенокъ былъ сырой, большеголовый, не подь силу дѣвчкѣ. Подь лавкою визжало еще нѣсколько штукъ. Посрединѣ избы стояла тухлая заханъ, рядомъ зыбка съ прогнившей подшивкой. Шестокъ, залавокъ, грязный подпечекъ были завалены битой посудой. На лавкахъ и коникѣ, по веревкѣ, протянутой поперекъ избы навалены лохмотья одежды, концы сальныхъ опоясокъ, тужи, поводья, нѣсколько паръ разбитыхъ лаптей. И на всемъ слоеи копоты, фдка, нестирающаяся пыль.

— Что, лае благородіе, на богатство наше любуетесь, завидно?—опять заскрипѣлъ веселый старикъ.

Только теперь Ефимъ Михайловичъ разглядѣлъ, что почти рядомъ съ нимъ, на низкомъ, неуютномъ голобцѣ, обложенный тряпьемъ, сидѣлъ сѣдой, съ голымъ черепомъ старикъ, блестя отборными зубами.

— Марейка треплетъ: въ Латырь-землю уѣду, анъ и дуракъ: отъ такого приволья да петлю искать!.. Ну, да одинъ чортъ, дальше погоста не уѣдетъ...

Марей, укутанный подь подбородокъ, лежалъ за столбомъ, подьправивъ матицу. Испитое лицо его осунулось, носъ, какъ у мертвеца, заострился, жиденькія пряди пепельныхъ волосъ, прилипли къ мокрому лбу. Когда Вострухинъ подошелъ къ нему, Марей заплакалъ.

— Въ середкѣ круто горить, Ефимъ Михайловичъ. Покупились мы съ вами. Приѣхалъ, не успѣлъ раздѣться, въ жаръ и знобъ меня кинуло...

— А къ полночи на стѣны полѣзъ!—подхватилъ старикъ.—Ореть недуромъ, всю ночь ни на персть не заснули. Я вѣдь безъ ногъ сижу,—неожиданно зашепталъ онъ, боязливо-ласково притрогиваясь къ плечу художника.—Четвертый годъ, батюшка, калѣчу, И Богъ прогнѣвался, не прибираетъ. Такъ вотъ и сижу день-деньской, какъ имянинникъ...

Старикъ закрылъ глаза.

Голодный поросенокъ зло рванулъ Вострухина за ногу. Онъ испуганно вскочилъ. Старикъ, перегнувшись, затрясся отъ смѣха.

— Вотъ, дьяволь, хуже собаки. Это онъ, ваше благородіе, ѣсть нечего... не жравши...

Марей неожиданно въ корчахъ припалъ къ подушкѣ.

— Не паяль, глаза, навались!—закричалъ старикъ снохѣ.—Мни ту же.

Бросивъ ребенка, баба навалилась на больного. Маленькое воробьиное тѣлце его извивалось, какъ червь. Началась затяжная рвота. Отдышавшись, съ посинѣвшимъ отъ напряженія лицомъ, онъ конфузливо-жалобно поглядѣлъ на художника. Изъ глазъ его текли крупныя слезы.

— Обкормили меня. Виданное-ли дѣло: безъ памяти лежу, а они меня бумагою кормили...

Онъ подаль Вострухину скомканный клочекъ бумаги.

— Онамедни ночевалъ бродяга, научилъ, дураковъ. А можетъ, онъ нарочно это...

— Ты умный, латырецъ!—презрительно фыркнулъ старикъ.—А отчего въ память пришелъ, какъ не отъ этого!

Ефимъ Михайловичъ развернулъ бумажку.

«Стріонъ. — Ларіонъ. — Каріонъ. — Кареть. — Какаре. — Столидонъ. — Стренъ. — Стадо. — Стрададо. — Симъ. — Бримъ. — Дѣусъ. — Мѣусъ. — Аминъ.

S A T O K
A K E P O
T E N E T
O P E K A
K O T A S

На писавши Си Слова Скотай ихъ на вѣрхъ Словами, Авсередину бѣлымъ пивмякомъ хлѣбъ Закотавъ и ли Съ Саломъ всякій День Давать Съ есть, человекъ у кушениному бѣшѣною Сабагой или Скату. по Три раза вдень».

— Тебя... кормили этимъ?—спросилъ художникъ.

— Ваше благородіе, дозвоьте досказать!—воскликнулъ старикъ.—Эта молитва, странникъ сказалъ, отъ всѣхъ болей хороша.

Это только одна присказка: отъ бѣшеной собаки, а что кумоха, али грѣха, али баба не разродится...

Марей навзрыдь заплакалъ. Вострухинъ бесцеремненно сталъ гладить его мокрые волосы.

— Сейчасъ заговариваться будетъ,—на ухо прошепталъ художнику старикъ:—ты пока, ваше благородье, ступай домой.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Было поздно. Корень, убравъ къ свѣтлой заутренѣ церковь, до-разувалъ вторую ногу, когда возвратился Вострухинъ. У жарко на-топленной грубки былъ разостланъ войлокъ Корня и небольшая съ вытѣзающими перьями подушка въ сальной наволочкѣ. За столомъ, по лавкамъ, на скамейкѣ, въ дверяхъ, тихо разговаривалъ, непча молитвы, сидѣли старики и старухи изъ дальнихъ деревень, пришедшіе съ узелками пасохъ къ заутренѣ. Пахло котомъ, полшнубками, хлѣбомъ. Прикрученная лампа чуть брезжила. По стѣнамъ ползали тѣни. Въ углу, передъ запыленными иконами, теплилась лампадка.

— Поздно, Михайлычъ, ходишь,—проворчалъ Корень, сгибая ка-ланикомъ ноги и обхватывая ихъ въ коѣнкахъ руками:—но нашимъ мѣстамъ этого не полагается. Будете чай пить?

Не дожидаясь отвѣта, вытащилъ изъ подъ лавки подбитые ва-ленки, нѣсколько разъ брызнулъ пылью, стукая ими объ полъ и за-кричалъ, толкая въ плечо какую-то старуху:

— Годовой праздникъ, а ты спишь? что въ Писанъ говорится? Приноси-ка для господина цыбарочку воды.

Не поднимаясь съ пола, чувствуя свое превосходство передъ этими людьми, Корень, отбившійся отъ крестьянства плечистый здо-ромякъ лѣтъ за пятьдесятъ, пьяница, приказалъ другой старухѣ при-готовить самоваръ, подростку—нащепать лучины.

Всѣ молча подчинялись этой командѣ; даже и тѣ, кому онъ не признавался, старались чѣмъ-нибудь помочь.

Вострухинъ прошелъ за перегородку и легъ. Онъ ни о чемъ не думалъ, только чувствовалъ, какъ что-то тупо саднитъ въ груди, какая-то злая обида, боль гложетъ сердце. Въ ушахъ еще не по-

ресталъ звенѣть голодный визгъ дѣтей Марей; еще маячило окаме-нѣвшее лицо жены его; самъ онъ, жалкій, хлипкій, съ воробьинымъ тѣльцемъ, «латырець»; старикъ Онашка, жадно курящій конопляную мякину, какъ великому счастью обрадовавшійся пятаку, данному ему Вострухинымъ на махорку.

Крѣпко хлопнула дверь. Свѣча, прилѣпленная къ краю стола скатилась. Вострухинъ вздулъ спичку, досталъ изъ ящика другую свѣчу.

— Что, Михайлычъ, али деньги разсыпали?—спросилъ вошед-шій Корень.—Обождите, я вѣникомъ смету.

Присѣвъ на корточки, караульщикъ сталъ осторожно сгребать вѣ-никомъ соръ. Обдулъ и положилъ на табуретку упавшій огарокъ. Вострухинъ опять легъ на кровать.

— Ай нездоровится?—тревожно наклонился Корень.—Какой вы мутный. Ай обидѣлъ кто?..

Шевелились, вздыхали и перешептывались старики за перего-родкой. Въ дряхлыя слова молитвъ вплетались разговоры о трудѣ, безхлѣбьи, позднемъ свѣтѣ.

— Погодите, ай на базарѣ!—крикнулъ на нихъ сторожъ.—Ми-хайлычъ, обидѣлъ, молъ, кто?..

— Нѣтъ, ничего, усталъ,—скороговоркой отвѣтилъ художникъ.

— Ишь, ты вотъ. Видно, далеко куда ходили? А я: не обидѣлъ ли кто? У насъ теперь лихо. Пойдемте чаевать? У Марейки что-ли дурака сидѣли?—Корень презрительно фыркнулъ.

Большой крашеный столъ въ переднемъ углу былъ пустъ.

Отогнанные отъ него старики жались въ дверяхъ. Тамъ же лу-чисто блестѣлъ рѣшеткою кипящій самоваръ.

Вдругъ оглушительно ударилъ колоколъ, за нимъ послышался рѣз-кій свистъ, звонъ разбитого стекла и тонотъ быстро убѣгающихъ ногъ.

— Видѣли?—прокричалъ Корень, стремглавъ вылетая изъ ка-раулки. Въ сыромъ весеннемъ воздухѣ, пропитанномъ запахами талой земли, навоза, древесныхъ почекъ, хлеща слухъ, посыпалась брань, угрозы, на которыя изъ темноты отвѣчало ржанье, свистъ и такая же брань. Въ стѣну караулки ударился камень. Старухи сбились въ уголъ.

— Хороши люцинеры?—Въ торопливо распахнутыя двери вскопчилъ красный, дрожащій отъ гнѣва Корень.—Безотцовщина! Мало васъ давили, подлецовъ!..

Швырнувъ въ сторону молотокъ, онъ сталъ грозить въ темныя окна кулаками.

— Паскудили надъ деревней, а теперь до святого мѣста добрались, непочетники проклятые! Моду какую взяли!..

Прижавшійся къ грубикъ старикъ, блѣлый, длиннобородый, захлипалъ.

— Что распустилъ слюни-то, чортъ старый?—съ ненавистью обернулся караульщикъ.—Вырастилъ золото, чтобъ тебя корчило. Тебя бы съ нимъ вмѣстѣ на осинку!

Гремя чашками, Корень сталъ разливать чай.

— Какой годъ маемся, хуже острога: ни пройти, ни проѣхать! Сынь-то, не хуже этого, добѣгался!—Корень мотнулъ въ сторону плакавшаго старика.—Жечь кого попало, вонополюшки зазвенѣли... Слава Богу, удавили!..

— Тебя бы этакъ, лизоблуда!—отозвался старикъ:—душегубцы! Сторожъ молча подошелъ къ нему.

— Кто душегубцы?

— Ты.

Корень ударилъ его и, взявъ за рукавъ, выбросилъ въ сѣни.

— Вотъ какъ по нашему. Гдѣ его паска?

Ему указали на маленькій узелочекъ. Корень отшвырнулъ узелокъ къ дверямъ. Изъ него, хрустя, выкатились крашенныя луковыми перьями яйца. Онъ медленно нагнулся, подобралъ узелокъ и яйца и бросилъ ихъ въ раскрытыя двери; слышно было, какъ яйца плюнулись о стѣну.

— Теперь пойми, кто душегубъ,—сказалъ сторожъ, присаживаясь къ самовару.—Прямо житья не было, пока не удавили,—обратился онъ къ Вострухину:—того гляди порѣжетъ всю деревню. А этотъ укрывалъ! Мало ли, что—сынъ, а если онъ—сукинъ сынъ; не такать стать. Хорошій отецъ самъ бы связалъ да приставилъ къ начальству... Мальченка, дай Богъ здоровья, изъ ихъ же компаніи, прибѣжалъ въ Лазаревское: баринъ, баринъ, нынче ночью Ванюшка придетъ тебя рѣзать!.. Ну, сейчасъ же сотню стражниковъ. А онъ, какъ увидалъ, что окружили, какъ зачалъ въ ихъ изъ пусталета...

Сколько народу порѣшилъ!.. Ну, зато били!.. Живого мѣста не осталось. Такъ, безъ суда, и удавили...

Корень съ сердцемъ ударилъ ладонью по столу и крикнулъ въ слѣдъ Вострухину:

— Одного рѣшили, а другого не догадались! Еще братъ моложе остался. Думаете, это—кто, это онъ охаверничаетъ надъ святымъ мѣстомъ! Я присягу приму, голова его тресни!..

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Часовъ въ пять утра къ Вострухину пришелъ работникъ съ письмомъ отъ попады, напоминавшемъ объ обѣщаніи придти разговѣться.

Среди той же компаніи: буйногриваго и буйноголосаго Никодима, дьякона и церковнаго старосты, ему представили молоденькую дѣвушку, Варю, Никодимову дочь, и дьяконицу, Настасью Никитишну, маленькую, круглую, съ рѣзкимъ, взвизгивающимъ смѣхомъ короташку въ бархатномъ платьѣ. Сама попадья была въ свѣтло-сиреневомъ, декольтированномъ, съ безчисленными брошками, медальонами, браслетами, насыщенно пахла персидской сиренью. А Варя—въ простенькомъ, полуформенномъ, часто краснѣла.

— Какова дочурка-то, а?—ржалъ Никодимъ, подталкивая Варю къ художнику.—Вотъ я васъ сосватаю!.. Что?.. Не побрезгуете коловольной дворянкой?—Хлопалъ мускулистою рукою Вострухина по плечу.

— Не подобаетъ человѣку жить единому!..

За обѣдомъ Никодимъ грубо наступалъ попадѣ на ноги, отъ попады перешелъ къ дьяконицѣ, но ошибся и прижалъ Вострухина; еще забористѣе ржалъ, щекоча его; опасно глядѣлъ на потупившуюся дочь.

Евламій, какъ и раньше, былъ тихъ, не пилъ, отъ долгой пасхальной службы и безсонной ночи поблѣднѣлъ, каталъ хлѣбныя крошки, часто выходилъ изъ-за стола, каждый разъ надобливо извиняясь. Никодимъ провожалъ его прищуренными взглядами. Попадья краснѣла и нарочито-громко смѣялась. Много пили: взводами; вразбродъ, «дикирями» и «триахирями». Дьякона заставили вы-

лизать со скатерти опрокинутый соус. Уговаривали ктитора слясать. А онъ только верещалъ, какъ поросенокъ, блестя пьяными, заплавленными глазами.

Тогда Никодимъ, подогнувъ полы подрясника, самъ пустился въ присядку съ Настасьей Никитишной. Плясалъ мастерски, съ прибаутками, ухаль, ржалъ, подбрасывался къ потолку—красный, буйный, съ похотливо блестящими глазами. А дьяконица, какъ курочка, вилась около него, мелко, часто, переборчиво семеня тугими ножками, то подкатываясь подъ крылышко, то выскользая изъ подставленныхъ широкихъ рукъ.

— Баста!—наконецъ, крикнулъ Никодимъ.

Широко шагнувъ, головою стряхивая назадъ волосы, онъ схватилъ Настасью Никитишну подъ мышки, высоко приподнялъ, звонко пѣлуя въ полный, полураскрытый ротъ.

— Христосъ Воскресе, мамочка!..

— Жавороночки!—закатился ктиторъ.

— Ты, дьяконъ, не сердись: праздникъ,—обернулся Никодимъ къ улыбавшемуся довольному дьякону.

Съ разсвѣтомъ пришли богоносцы, мужики-оброчники, помогавшіе духовенству обносить иконы по приходу.

Много и жадно наѣвшіеся разговѣльнаго, они осоловѣло сидѣли на лавкѣ.

Молодые приставали къ работницѣ. Вострухина лихорадило.

Залпомъ выпивъ по стакану чернаго, плохо процѣженного кофе, Никодимъ съ дьякономъ подхватили Ефима Михайловича подъ руки, таща на кухню—бороться съ богоносцами. Подъ гоготъ попъ похристосовался съ ними, сбросилъ съ себя шелковый, въ пятнахъ, подрясникъ, оставшись въ плисовыхъ штанахъ, заправленныхъ въ высокіе сапоги, и розовой косовороткѣ,—весельчакъ-пѣловальникъ.

— А ну, ребятунки, помѣряемся силенкой!

Началъ съ крайняго. Мужики, привыкшіе къ поповымъ выходкамъ, фыркали и подталкивали другъ друга.

— Надо бы на дворъ,—сказалъ самый высокій изъ нихъ, широколицый, съ выступавшими, какъ у грызуна, передними зубами, парень—молодоженъ: богоносцы взяли его съ собой потому, что онъ слылъ силачемъ на Салтыкахъ и надѣялись, что онъ намнетъ бона озорному попу.

— Айда на дворъ!—воскликнулъ Никодимъ. Ему дали опояску. Попъ туго перетянулся и засучилъ рукава.

Изъ-за тучъ, черезъ крыши надворныхъ построекъ, по верхушкамъ дремлющихъ деревьевъ, червонно-золотыми струями брызнуло солнце. Спавшіе за паличниками голуби зашевелились, заворковали, захлопали бѣлоснѣжными и сизо-радужными крыльями.

— Съ уговоромъ, батъ: подъ ножку не валить,—сказалъ бѣлобрысый грызунъ, подходя къ Никодиму съ разставленными руками.

Какъ желѣзными обручами, перевились крестъ на крестъ лапами, уперлись подбородками въ плечи и, такъ замеревъ, долго хлюпали по талой землѣ широко разставленными, нестигающимися ногами, загребая навозъ, водянисто-коричневые стружки, лоскутки бумаги.

— А не осерчаете, батъ, езде я васъ повалю?—раздувая мясистыя ноздри, спросилъ сквозь зубы бѣлобрысый, мертво сжимая Никодима. Попъ прикрылъ глаза, напряжился; на вискахъ его вздулись фіолетовыя жилы, страшно осканился бѣлый, безкровный ротъ. У всѣхъ захватило дыханіе. Но парень обезсилѣлъ, отпустилъ. Блѣдный, страшно вытянувшійся Никодимъ вздохнулъ, какъ мѣхъ. На лицѣ его выступила обильная испарина. Плотно сжалъ губы. И опять прикрылъ глаза.

— А жена... молодая... меня не выругаетъ?..

Налившись кровью, приподнялъ грызуна, тяжело взмахнулъ и, какъ бабкой по сваѣ, съ дикой силой ударилъ его полными подошвами объ землю.

— Становись, сынокъ... на колѣни... передъ отцомъ духовнымъ...

Сразу завявшій парень медленно, безвольно опустился передъ Никодимомъ на колѣни, а попъ съ ржаньемъ закрывалъ его своею грудью, опрокидывая на лопатки. Близко глядѣлъ въ помутившіеся глаза его.

— Что, Стефанъ... не османилъ батя?.. То-то, не доросъ еще, мать твою...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Въ полдень четвертаго дня Пасхи въ караулку ввалился пьяный Корень.

— Эй, сожителъ Боговъ, дрыхнешь? Гостей къ тебѣ привелъ!.. изъ вашихъ же курятниковъ. Чуешь, ай оглохъ?

Обдавая перегаромъ, растолкалъ забывшагося Вострухина.

— Притворился, лиса, что спить,—подмигнувъ онъ кому-то:—жалѣть бутылку, ну, да у насъ не открутишься, мы еще тебя не взбрызгивали!..

Изъ-за плечь его выглядывала рыжеусая, съ рачьими глазами физиономія, по солдатски стриженная. Сзади еще кто-то скребъ тяжелыми ногами.

— Вы, товарищъ, въ Портъ-Артуръ были?—шевели бровями, такъ что кожа на лбу, какъ чулокъ, шаркала, хрипло спросилъ рыжеусый.

— А ты погоди, Сань,—остановилъ его сторожъ:—надо порядкомъ.

Качаясь изъ стороны въ сторону, онъ распахнулъ за перегородку двери.

— Вотъ какъ надо. Пожалуйте, гости дорогие. Проходи, Сань. Ишь, какъ я за тобой ухаживаю, какъ за сыномъ. Федоръ Василычъ, проходи.

— Попадейкинъ,—ввалился рыжий, протягивая недоумѣвающему Вострухину огромную руку въ желтой перчаткѣ. На немъ было толстое ватное пальто съ роговыми цуговицами, на плечи небрежно брошенъ башлыкъ съ позументами.

— Ключаревъ,—сказалъ второй, похожій на скопца.

— Одинъ—мой племяншъ, другой—учитель, ктиторовъ сынъ приходится,—важно пояснилъ Корень:—вотъ и все посланье къ римлянамъ. Ну-ко, подымайся, нечего балы разводить: сухая ложка ротъ деретъ... Скоро нашимъ начальникомъ будетъ,—кивнувъ онъ на Попадейкина.—То на бойнѣ былъ, а теперь статья—быть начальникомъ. Нынче вмѣстѣ пьемъ—гуляемъ, а завтра постоянъ безъ шапокъ. Это, братъ, тебѣ не оита-нжица, кнутикъ ближится!—об-

ратился онъ къ учителю:—какъ не жилось, съ урядникомъ вровень не станешь!..

Попадейкинъ самодовольно закрутилъ шеей.

— Въ Портъ-Артуръ, товарищъ, не были, я тамъ шесть мѣсцевъ ватажилъ?

— Нѣтъ, не былъ,—не поднимаясь, сказалъ Вострухинъ.

— Жалко, интересно было, какъ мы воевали.

Сдвинувъ на край стола свѣчу, пузырекъ съ лекарствомъ, Корень сталъ рѣзать селедку.

— Хвостикъ хочешь?—спросилъ онъ художника, поднося къ его лицу селедочный хвостъ.—Зеле-ный ты... какъ трава!..

— Желаете послушать, какъ мы воевали? Народу со всѣхъ земель собралось невидимая сила, крикъ, галдежъ: глядятъ, какъ японцы Портъ-Артуръ возьмутъ... В-ва!

— Чѣмъ же пить-то, развѣ Бога на малое время обидѣть?—спросилъ сторожъ.

Слазилъ къ иконамъ, выплеснулъ изъ лампаднаго стаканчика масло и вытеръ его пальцемъ.

— Михайлычъ, за твое здоровье. Водка-то твоя: я къ Василъ Мартынычу бѣгалъ, взялъ въ твою работу тройкъ.

Не совладавшій съ болѣзненной истомой Вострухинъ открылъ глаза.

— За твое здоровье, молъ, а ты зѣнки лупишь. Гляди, не проштрафься: святость пиши по формѣ. Прймай!

— Вос-семьдесятъ пять тысячъ укокошили!..

— Это кто кричитъ?—спрашивалъ себя Вострухинъ.—Гдѣ я?

— Пей, со-пля!..

«Я, кажется, боленъ...»

Липкою рукою Корень потянулъ художника съ постели. На минуту мелькнуло сознаніе.

— Тебѣ—что?

— Пей.

— Я боленъ. Попли отсюда!

— Что-о? — всталъ Попадейкинъ. — Къ нему по-товариству, а онъ бегуетъ!..

Стѣны затряслись отъ удара чѣмъ-то тяжелымъ. Или Вострухину такъ показалось. Кто-то положилъ горячую подушку на голову и сталъ больно, безжалостно душить его.

— Спасите! — хотѣлось крикнуть художнику, но выплылъ Корень: — Ты гляди, святость по формѣ!.. Что?.. Двустолкой застрѣлю!..

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Малопонятная Вострухину, сплошь жуткая жизнь деревни текла своимъ чередомъ. И только то, что порой выплескивалось черезъ край ся темной чаши, становилось достояніемъ его глазъ, слуха, сердца.

Всю недѣлю безпробудно пьянствовавшій Корень, возвращаясь на почевку, сообщалъ, что толпою разнузданной молодежи у салтыковскихъ богачей побиты стекла, что у Василія Мартыныча, ктитора, председателя салтыковского союза русского народа, спаленъ сѣнный сарай съ тысячнымъ жеребномъ.

Въ школѣ третій день шли засѣданія союза.

— Надо же что-нибудь дѣлать: Богъ сталъ ничо чемъ! — кричалъ сторожъ. — Эта лавочка не годится! А ты все еще на меня дуешься, зловредина, — брось! Хочешь записаться въ союзъ, ни одна тебя мѣха не укуситъ!

Цѣлый день потомъ Корень ходилъ по деревнѣ и бахвалился, что обилъ живописца въ союзники. Какіе-то пьяные мужики приходили поздравлять его, требовали могоарычъ. Ночью въ караулкѣ были выбиты стекла, злые голоса кричали:

— Хулиганъ!.. Подлецъ!..

— Нынче разсечетъ имъ, — сказалъ Корень: — сходи собираютъ.

Вскорѣ онъ исчезъ. Ободнявъ, въ караулку пришла невѣстка его поставить самоваръ.

— Поди, замучилъ тебя нашъ-то? — спросила она Вострухина. — Крутится, нечистая сила, на нѣтъ отбился отъ работы! Сынь — соколь, а онъ мошенникъ жамки мнѣ таскаетъ... Въ морду я его этими жамками-то!.. Зарѣжу, молъ, только посмѣй пальцемъ тронуть, такъ доложилъ, что патреты ругаю: я, батъ, молиться на ихъ сталъ, а она меня на смѣхъ да по-матерну... Ну, не стыдоба-ли?.. Только молодяжники и не поддаются, да и то кабы не скрутили, ишь нынче сходку собираютъ... Ты не вайсись съ ими, Михайлычъ, пожалѣй душу, ты — чужой у насъ!..

День былъ по весеннему ярокъ. Уже давно стаялъ снѣгъ, подошли дороги. Золотыми блестками играло солнце въ рѣдкихъ лужикахъ. По праздничному голубѣло небо. Теплая, рыхлая земля покрывалась нѣжно-зеленой травой. Съ колокольни частымъ, бисернымъ смѣхомъ заливались колокола. Вошелъ Корень.

— Закушу да на сходъ. Пымали.

На скулѣ его свѣжая ссадина. Фалды полушубка висѣли: гдѣ-то били или самъ кого-нибудь билъ.

— Корень, готовъ? — спросилъ черезъ окно Попадейкинъ. На груди его прицѣпленъ значекъ союза. Сторожъ молча вышелъ. Оба направились къ школѣ. А черезъ полчаса въ караулку вбѣжала невѣстка Корня, отецъ казеннаго Ванюши, тотъ старикъ, котораго Корень билъ подъ Пасху, еще какіе-то мужики и бабы.

— Родимый, скорѣ!.. Ой, да скорѣ же, скорѣ на сходку! — лемая руки, не своимъ голосомъ кричала женщина. — Скорѣ родненькій, — смертоубійство!..

И женщина безъ чувствъ свалилась на полъ.

Вострухинъ опрометью выскочилъ на улицу. По выгону метались плачущія бабы.

— Не ходи, убьютъ! — закричалъ художнику мужикъ распояской, пересылая дорогу. Но Вострухинъ, какъ во снѣ, оттолкнулъ его и помчался къ толпѣ. Посрединѣ ея, со связанными руками, стояло шесть молодыхъ, лѣтъ по девятнадцати-двадцати, блѣдныхъ парней въ разорванной одеждѣ. Шесть мужиковъ крѣпко держали ихъ сзади за локти. Толпа протягивала къ парнямъ кулаки, хлестала воздухъ бранью. Головою выше всѣхъ на приступкѣ крыльца стояли Попадейкинъ и некто.

Къ парнямъ подбѣжалъ низкорослый оборвышъ, по виду нищій, и зло харкнувъ въ лицо переднему, бѣлокурому, съ дрожащими губами, почти мальчику. Тотъ мотнулъ головой, плевокъ поползъ по щекамъ.

Вострухинъ бросился къ ктитору.

— З-зачѣмъ сюда?.. Кто просилъ!?!—взвизгнувъ кто-то надъ ухомъ. Художникъ пошатнулся отъ удара по головѣ. А все дальнѣйшее было тяжелымъ, невѣроятнымъ бредомъ. Рычащая толпа, свившись въ клубокъ, понеслась вдоль села.

Вострухинъ метался межъ союзниковъ, хваталъ ихъ за руки, кажется плакалъ, умолялъ о чемъ-то, его отшвыривали прочь, кричали.

Потомъ, потерявшій волю, съ окровавленнымъ лицомъ, онъ очутился въ пожарномъ сараѣ, видѣлъ, какъ бѣшеный Попадейкинъ ударилъ бѣлокураго парня коломъ по виску, слышалъ пронзительный крикъ парня и видѣлъ фонтанъ крови, брызнувшій вверхъ.

Кровь облила стѣны стѣны сарая и головы и рубахи близко стоявшихъ мужиковъ; видѣлъ, какъ на моментъ замеревшая толпа рванулась и, по звѣриному вою, стала терзать остальныхъ парней.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Ежедневно къ Вострухину заходила попадья. Низко склонялась надъ нимъ, почти касаясь грудью, говорила что-то, ласково глядя руку.

Ефимъ Михайловичъ былъ побить легко и скорѣе звѣрская, невиданная сцена, чѣмъ боль и униженія, свалила его. Однажды пришла Варя, Никодимова дочь. Сѣвъ въ уголку, въ тѣни, рассказывала о бывшихъ учителяхъ въ епархіальномъ, сварливой надзирательницѣ, потомъ заплакала. А когда вошелъ хриплый съ переносъ Никодимъ: — «Никакъ дочка моя тутъ?»—какъ лозинка, выпрямилась, сжала крѣпко губы и, не простившись, ушла.

И отъ этихъ слезъ Вострухину стало легче.

Шагая по тѣсной каморкѣ, Никодимъ недовольно откашливался, совалъ въ ротъ пышную бороду.

— Вы первый разъ въ деревнѣ? Мужикамъ хорошими быть не отъ чего, помните это. Ихъ къ тому толкаютъ.—Никодимъ разсѣянно ткнулъ куда-то пальцемъ.—Ну, да не намъ объ этомъ балакать.

Присѣлъ на постель къ художнику.

— Ёсть-то попадья приносить? Мнѣ все некогда: наша. Вы не вяжитесь больше съ мужиками: въ ихъ жизни вы не смыслите, не мѣшайте имъ съ своимъ сердобольемъ... Имъ сейчасъ не до вашихъ чувствъ и безтолковыхъ намѣреній, простите за откровенность. Сейчасъ у нихъ свое начинается и... видите, какъ туго...

Никодимъ дѣланно засмѣялся.

— Влетитъ, братъ, и намъ въ свою пору не хуже, чѣмъ парнямъ!.. И отъ тѣхъ же самыхъ мужиковъ: взы-щуть, попрыгають на грудяхъ!.. И на вашей въ томъ числѣ, хоть вы и сердобольничаете. И въ этомъ весь ужасъ! На моей груди прыгать слѣдуетъ, но вотъ когда такъ же ударять осиновымъ коломъ мою дочь, а ее непременно ударять, у меня волосы поднимаются дыбомъ!..

Попъ взволнованно вскочилъ съ постели, крутятся по каморкѣ.

— Точки ставятъ... Путанно... Парни не хулиганы, я ихъ знаю... Это подстроено Попадейкинымъ и Корнемъ. А научили съ барскаго двора и Василій Мартыновъ, жеребца у него спалили... Но окна въ церкви перебили не они, присягу приму!.. Надо было разсчитаться за старое, устранить и разсчитались, и устранили, и все шито—крыто!.. А черезъ мѣсяцъ опять что-нибудь случится... И такъ же дико и гадко. Такъ-то, братъ, Ефимъ Михайловичъ. И въ этой кутермѣ мы съ вами лишніе... Нельзя быть равнодушнымъ свидѣтелемъ убійства? Нельзя. Надо вмѣшаться, избить преступника, быть избитымъ, но... какой, въ концѣ концовъ, толкъ?.. Ахъ, да провались они всѣ въ преисподнюю, правые и виноватые!..

Никодимъ, кривя ротъ, повернулся къ дверямъ.

— Знаете-что? Переселитесь ко мнѣ, честное слово! Залѣзли въ какой-то свинятникъ, чортъ васъ возьми!.. Я приплюснулъ работника за вещами. И—еще разъ: не вяжитесь съ мужиками, не лѣзьте, куда васъ не просятъ, не путайте себѣ головы, пишите свои иконы, картины, пейзажи, только не суйтесь въ ихъ жизнь. Когда была надобность, насъ всѣхъ тютки сирали, а теперь ни къ чему!..

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Бѣлокурый парень былъ вторымъ сыномъ старика Андрея, отъ казеннаго Ванюшки, послѣднимъ. Его убили на мѣстѣ. Другой, его товарищъ, умеръ черезъ день послѣ расправы, а остальные лежали изувѣченными, съ перебитыми костями, черно-распухшіе.

Оправившись, Вострухинъ, не смотря на отговоры Никодима, написалъ заявленіе становому приставу.

— Ну, ничего-же не выйдетъ, помяните мое слово!—волновался Никодимъ:—бросьте затѣю!

— Пишите,—тихо вымолвила присутствовавшая при разговорѣ Варя.

— «Пишите!»—передразнилъ ее Никодимъ. — Что ты, дочка, согласишься въ этомъ, букашка ты этакая!..

На исходѣ второй недѣли, когда трупы убитыхъ почти разложились, въ Салтыки пріѣхали власти и докторъ. Былъ созванъ сельскій сходъ. Какъ не члена общества, Вострухина удалили изъ школы.

— Вы извините,—любезно говорилъ приставъ, уже немолодой, изъ семинаристовъ:—здѣсь такая кутерьма, что чортъ ноги сломаетъ. Послѣ схода я васъ приглашу.

Но не пригласилъ. Вострухинъ пошелъ узнать, въ чемъ дѣло.

Оказалось: верстахъ въ десяти отъ Салтыковъ, въ имѣніи предводителя, ночью былъ подпаленъ скотный сарай; приставъ, наскоро закусивъ у Василя Мартыныча, поскакалъ туда. Убитыхъ приказалъ похоронить.

Во второй разъ приставъ пріѣхалъ только черезъ недѣлю.

Казался усталымъ, разсѣяннымъ.

— Вы долго здѣсь пробудете?—спросилъ онъ Вострухина.

— Вѣроятно, до сентября, когда кончу работу,—отвѣтилъ Ефимъ Михайловичъ.

— Да? Такъ вы утверждаете, что все видѣли собственными глазами?

— Видѣлъ, утверждаю.

— Знаете, между нами,—приставъ оперся на ладони и съ минуту молчалъ.—Въ принципѣ я не обвиняю этихъ... ну, преступниковъ что-ли... Война!.. Какъ человѣку, мнѣ, конечно, такъ же жаль этихъ

глухихъ парней, но какъ представителю государственной власти... Позови Попадейкина,—сбратился онъ къ стражнику.

Вошелъ башлыкъ съ позументами.

— Господинъ Вострухинъ утверждаетъ,—приставъ сдѣлалъ паузу и впился глазами въ Попадейкина, затѣмъ рѣчь его стала раздѣльной, словно онъ нанизывалъ крупныя одноцвѣтныя бусы на нитку:—что собственными глазами видѣлъ, какъ ты въ пожарномъ сараѣ ударилъ коломъ по головѣ Егора Крупкина.

— Никакъ нѣтъ,—твердо вымолвилъ Попадейкинъ.

— Ты былъ на сходкѣ?

— Точно такъ.

— Кто привелъ парней къ школѣ?

— Не могу знать. Все общество!.. и другіе, неизвѣстнаго званія пріѣзжіе съ базара. Честь имѣю доложить, видѣлъ собственными глазами поджигателей: поджигали сарай съ жеребцомъ крестьянина Василя Мартыновича Ключарева.

Попадейкинъ перечислилъ по именамъ шестерыхъ изуродованныхъ.

— Окромя прочаго, ваше благородіе, крестьянинъ Корней Федотовъ Жуковъ желаетъ доложить покушеніе на жизнь черезъ богоульство.

Введенный въ школу Корень заявилъ, что въ ночь подъ Пасху въ церкви были выбиты стекла и въ него стрѣляли изъ пистолетовъ за попытку отстоять храмъ и за то, что онъ состоитъ въ союзѣ. Стрѣлявшихъ онъ узналъ по голосамъ и потому, что они, перекликаясь между собой, называли другъ друга по именамъ.

— Неправда, я былъ въ это время въ караулкѣ, въ тебя не стрѣляли!—вскочилъ Вострухинъ.

— Виноватъ, свое заявленіе вы внесете потомъ,—остановилъ его приставъ.

На вопросъ о виновникахъ увѣчій и убійствъ, Корень въ точности повторилъ заявленіе Попадейкина. Самъ Корень, вмѣстѣ съ Попадейкинымъ, когда толпа потащила парней въ сарай, остались у школы. И когда еще тѣхъ не довели до воротъ сарая, пришла жена Попадейкина звать обѣдать.

Жена, молодая, съ блестяще выпуклыми глазами баба, въ зеленой юбкѣ, съ полупалкомъ на крутыхъ плечахъ, подтвердила показаніе

Корня: толпа тащила связанных ребятъ къ сараю, а она подошла къ стоявшему у школы съ Корнемъ мужу и сказала:

— Пойдемъ, Лексашъ, обѣдать: у насъ нынче свѣжая убойна.

Мужъ отвѣтилъ:

— Убойна? Ну-къ что-жъ, пойдемъ, мнѣ давно есть хочца.

И они пошли. Мужъ еще въ шутку ударилъ ее:

— Какая ты круглая: за что ни схватишь, пальцы вязнутъ.

А тутъ народъ загомонѣлъ:

— Егорку Крункина на смерть расшибли!.. Егорку Крункина расшибли!..

Пошелъ цѣлый рядъ свидѣтелей, даже нѣсколько подростковъ, даже два десятилѣтнихъ мальчика: кто убилъ, неизвѣстно, на сходкѣ была вся деревня и другіе, неизвѣстнаго званія прїѣзжіе съ базара, всѣ кричали и грозились.

Когда забастовщиковъ вели къ пожарному сараю, Попадейкинъ съ Корнемъ стояли у школы и въ это время къ Попадейкину подошла жена его. — «Пойдемъ, Лексашъ, обѣдать, у насъ нынче свѣжая убойна». Попадейкинъ отвѣтилъ: «Ну-къ, что-жъ, пойдемъ, мнѣ давно есть хочца», и еще слегка ударилъ ее: «Жиру-то нагуляла: на роту солдатъ хватить!..» — А она на это: «Ужъ ты выдумашъ!..»

Четверо изъ свидѣтелей тоже видѣли поджигателей, спалившихъ жеребца съ сараемъ крестьянина Василя Ключарева: это были увѣчные.

Двое, ожидая въ караулѣ звона подъ Свѣтлую заутреню, своими ушами слышали, какъ въ церкви били стекла, стрѣляли въ Корня, стрѣляя перекликались:

— Егорка Крункинъ, мѣть ему, хриstopродавцу, въ рыло: онъ состоитъ въ союзѣ!..

— Вася Чулукъ, ты всѣ въ церкви окна поколешь, али что осталось?..

Одинъ только Василій Мартынычъ, ктиторъ, сказалъ, что онъ по этому случаю ничего не знаетъ: у него сидѣли батюшки въ гостяхъ и близкіе родственники, онъ малость подвыпилъ красненькаго, и еще «тотъ-то» его дернулъ плясать на старости лѣтъ, а тамъ запыхало... Ему больше родного сына жалъ жеребца. При этомъ Василій Мартынычъ заплакалъ.

Вошедшій старикъ Крункинъ, отецъ убитаго Егора, показался художнику мертвецомъ: такъ онъ былъ худъ, безжизнененъ, до слезъ жалокъ.

— Нѣтъ, ваше благородіе, правды на землѣ,—прошенталъ онъ, обращаясь къ приставу и горько заплакалъ. Больше не сказалъ ни слова, повернулся, и шатаясь, побрелъ къ дверямъ.

Допросили родителей остальныхъ парней. Убитые горемъ, они только рыдали, только твердили, что это зло, жестоко, несправедливо.

Часть свидѣтелей оказалась въ отлучкѣ, другая упорно и безтолково твердила:

— Не знаю... Не при мнѣ было... Душа моя не вѣдаетъ...

Одна невѣстка Корня клялась Богомъ, что преступленіе—дѣло рукъ ея свекора, Попадейкина и «всей жульнической, мошенской компаніи», но на вопросъ: видѣла ли она лично, что въ убійствѣ принимали участіе Попадейкинъ и Корень, созналась, что не видѣла, кляла себя, что слишкомъ испугалась, сомнѣла...

Черезъ полторы педѣли Вострухинъ узналъ, что «Дѣло объ увѣчи шести крестьянъ села Салтыковъ, окончившееся смертью двухъ изъ нихъ, за нерозыскомъ виновныхъ, слѣдствіемъ прекращено».

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Иногда, кончая работу засвѣтло, Вострухинъ уходилъ на гумно къ Никодиму. Его поражала домовитость этого буйвола въ рясѣ. Все было ладно, крѣпко, хозяйственно, начиная съ прекрасныхъ каменныхъ надворныхъ построекъ, сараевъ, погребницъ, сельско-хозяйственныхъ орудій, упряжи и кончая отборнымъ, сильнымъ скотомъ въ оуихъ, вывѣтренныхъ стойлахъ и веселыми, расторопно-смѣтливими работниками. Работники жили въ свѣтлой, чистой избѣ, сытно питались, получали, въ сравненіи съ другими батраками, хорошее жалованье. Въ избѣ ихъ не было смрада и вони, разбросанной гдѣ попало обуви и одежды, какъ это видѣлъ Вострухинъ почти во всѣхъ крестьянскихъ избахъ, бѣдныхъ и богатыхъ. У кухарки не валялись ложки подъ столомъ, не точили тарананы хлѣба, во щажъ не плавали прусаки и волосы, подолъ и салыная отымалка не замѣняли полотенца. За всѣмъ этимъ слѣдилъ Никодимъ.

Ежедневно поутру поднимался, вмѣстѣ съ работниками, до солнца, надѣвалъ ватный, съ коротко подрѣзанными полами подрясникъ, самъ выводилъ на водопой лошадей, самъ же запрягалъ ихъ и шелъ головнымъ съ плугомъ. Сквозь сладкій утренній сонъ Вострухинъ часто слышалъ его шутки и хохотъ, излюбленную борьбу, на которую не было соперниковъ. Приходя въ полдень обѣдать, видѣлъ его, побурѣвшаго отъ солнца и вѣтровъ, пышущимъ радостью, буйной силой ушкунника, до корней волосъ пропахшимъ землей, потомъ, полевымъ прянымъ воздухомъ. За обѣдомъ Никодимъ ѣлъ много, жадно, молча, изъ большой деревянной чашки. Въ промежуткахъ между кушаньями, выбирая изъ широкой бороды хлѣбныя крошки, добродушно смѣялся надъ «тарелочками-вилочками» Вари и Ефима Михайловича.

— Паханѣмъ, Михайлычъ!— всегда кричалъ Никодимъ, останавливая пару круторебрыхъ, широкогрудыхъ, лоснившихся подъ солнцемъ лошадей, глядя изъ подъ ладони на приближавшагося Вострухина.

Становилъ его, смущеннаго, къ плугу, весело свистѣлъ на лошадей и, схватившись за животъ, ржалъ, глядя на вихлявшаго за плугомъ художника. Поле далеко разносило его голосъ, тамъ и сямъ мужики останавливали клячъ и, задржавъ пыльные бороды, прислушивались.

Отъ двухъ-трехъ бороздъ Вострухина лошади покрывались испариной, тяжело дышали вывернутыми темно-красными ноздрями. У Ефима Михайловича тряслись руки и ноги, кружилась голова отъ напряженія, бѣлье становилось холодно-липкимъ.

— Здорово! Михайлычъ! Великолѣпно!..

Никодимъ хлопалъ его по узкой, костлявой спинѣ.

— Великолѣпно!..

И сразу мѣняя выраженіе лица, серьезно добавлялъ:

— Вотъ оно, братъ, какъ хлѣбушко-то достается. Въ академіяхъ-то, поди, не знаютъ этого?

Изрѣдка, въ особо солнечные, радостно-звѣнящіе дни, на пашню выходила Варя, дочь Никодима, смущенно смѣялась надъ пахотей Вострухина, потомъ они уходили въ лѣсъ или къ ярко-позеленѣвшимъ широкимъ заливнымъ лугамъ. Въ садахъ цвѣли деревья. Распустившійся лѣсъ былъ полонъ пѣвчихъ птицъ и запаховъ. Въ сѣнемъ

маревѣ мѣли поля. Золотомъ и бирюзою убрались перегѣски. Жужжали пчелы. Понадались раннія бабочки. Варя брала Вострухина подъ руку и такъ, молча, часъ и два, и три, до позднихъ сумерекъ, они ходили по лугамъ и рощамъ, близкіе другъ другу.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Въ одинъ изъ такихъ дней блѣдный Мареевъ мальчикъ, Коля, принесъ художнику записку отъ отца.

Марей писалъ:

«Вѣрной другъ мой и благодѣтель рода человѣческаго Ефимъ Михалочъ лекарство помогло, я поднялся съ постели и здоровъ и вашей помощи очень благодаренъ за всю жизнь. Ждите меня къ себѣ въ гости любезный другъ и благодѣтель рода человѣческаго господинъ великій художникъ. Затѣмъ остаюсь живъ и здоровъ вашъ другъ Marcus aminus Macarus mortus».

Черезъ нѣсколько дней онъ, дѣйствительно, пришелъ въ домъ къ Никодиму и спросилъ Вострухина. Кухарка сказала, что живописецъ ушелъ къ батѣ на огородъ, гдѣ засѣвали коноплю. Марей пришелъ съ суковатой палочкой, былъ такъ худъ и блѣденъ, что казалось, сейчасъ свалится.

Волосы на головѣ его вытѣзли, прозрачно-синія, безкровныя уши оттопырились, какъ у мертвого.

Тоненькія ноги были аккуратно обернуты въ новыя портянки. Марей задыхался, кашлялъ, и послѣ приступовъ кашля лицо его и губы становились синими, голубые ребячьи глаза наполнялись слезами. Онъ сталъ еще болѣе жалокъ и безпомощенъ. Медленно, съ борозды на борозду, то и дѣло останавливаясь, чтобы отдышаться, Марей брелъ къ канавѣ, на которой отдыхали Никодимъ съ работниками, а рядомъ сидѣлъ Вострухинъ.

Было жарко. Полулежа на теплой землѣ, работники курили.

Никодимъ, по обыкновенію, ржалъ, о чемъ-то разговаривая съ художникомъ. Какъ и работники, онъ курилъ махорку. Издали никто

не узналъ Марей, такъ онъ измѣнился за это время. И только за подлинника Никодимъ удивленно воскликнулъ:

— Марей,—ты? воскресъ?

Марей оперся на палочку и минутъ десять стоялъ съ раскрытымъ ртомъ, жадно хватавшимъ воздухъ. Отдышавшись, блѣдно, застѣнчиво улыбнулся, такъ же блѣдно, застѣнчиво шепча:

— Салютасъ, доминне...

Поздоровался со всѣми за руку. Къ Никодиму подошелъ подъ благословеніе, но руки не поцѣловалъ, а лишь слабо пожалъ ее. И когда, хохоча, Никодимъ заставилъ его принять благословеніе, Марей упрямо, плотно сжалъ губы и приложился къ рукѣ.

— Я пришелъ къ вамъ... Ефимъ Михайловичъ... поблагодарить за лѣкарство...

Лобъ его былъ въ испаринѣ. Изъ подъ картуза текли капельки сѣраго пота.

— А какъ латинская грамматика?—подмаргивая Вострухину, спросилъ Никодимъ:—не всю еще прошелъ?

— Нѣтъ, куда-же, хворь замучила,—серьезно отвѣтилъ Марей.

— А ну-ка, какъ будетъ казусъ аблативусъ отъ «терра»?

— Террисъ,—съ тихой радостью отвѣтилъ Марей.

Работники прыснули.

— Это—аблативусъ?—строго спросилъ пощъ.

— Нѣ, дативусъ плюралисъ. Казусъ аблативусъ—терра, «а» долгое,—потупившись, сказалъ Марей.—Оставьте меня!.. Миѣ съ Ефимъ Михайлычемъ слово сказать...

И когда они отошли, Марей, оглядываясь на Никодима, укоризненно прошепталъ:

— Заставляетъ руки цѣловать грязныя. Спаситель-то почище былъ, да не заставлялъ.

И все такъ же время отъ времени останавливаясь, Марей горько жаловался на духовенство, богатыхъ, живущих не по закону, сътытыхъ неправдой, на придирчивое начальство, наконецъ, на мужиковъ, съ которыми нельзя жить.

— Душа моя не терпитъ. Никакой точки не имѣють. Жизнь у человѣка малая. Ее надо прожить умѣючи. А у насъ что хорошаго? Голодь да холодъ. Да нужда. Да срамъ. Господи—Господи!.. Я

васъ хочу, Ефимъ Михайловичъ, объ дѣлѣ спросить: дорого стоитъ уѣхать отсюда?

— Уѣхать?

— Да, я не могу больше жить въ деревнѣ, миѣ не по сердцу. Сѣются въ Латынь-землю мѣтитъ!—а я, правда, думаю сѣздить въ ее. Али еще куда. Земля-то—вонъ она, какая махина. А люди—какъ черви. Не люблю я этого.

— Можетъ быть, опять присядемъ?—предложилъ Ефимъ Михайловичъ, видя, какъ Марей трудно говорить на ходу, какъ сипѣетъ и передергивается отъ напряженія его лицо.

— Давайте присядемъ,—согласился онъ.—Я, Ефимъ Михайлычъ, во снѣ ее часть вижу. Тоска меня, Ефимъ Михайлычъ, ѣсть. Господи, думаешь, какъ люди плохо живутъ! Неуютно какъ! Все бы насмѣхаться да изобидѣть! А почишь имъ, что въ другихъ-то, молъ, земляхъ нѣтъ этого, ну, ни за что не вѣрятъ!.. Дозвольте миѣ, Ефимъ Михайлычъ, папирску.

Художникъ подаль портсигаръ.

Дрожащими восковыми пальцами Марей свернулъ себѣ папирску, съ надрывисто-хриплымъ кашлемъ затыкнулся и бросилъ.

— Не могу. Глаза пожадничали, а не выходить.

Высоко надъ головами ихъ звенѣли жаворонки. Въ рыхлой пашнѣ копались грачи. По канавѣ съ ржапьемъ бѣгали жеребята-сосунки. Съ небольшими пугами старновки подъ мышками мужики раззагонивали полосы. Мимо прошли двѣ бабы съ мѣшками травы на головахъ: одна старая, поблекшая; другая стройная молодуха.

Обѣ привѣтливо поклонились.

— Садомъ она миѣ снится... большимъ, большимъ. Солнышко свѣтитъ. Небушко, какъ льняной цвѣтъ,—духъ радуется. А говорить не по нашему, а по-латыни,—закрывъ глаза, шепталъ Марей.—И я хожу промежъ ихъ, какъ свой. Какъ будто и миѣ тутъ доля есть можить. И все со мной привѣтливы. Брагомъ меня называютъ. А у меня какъ радостно въ грудяхъ отъ этого, что я чувю, какъ во миѣ сердце съ боку на бокъ ворочается... И хочется, чтобы все наши жеребѣхали туда...

Марей долго кашлялъ.

— Пошли эти сны у меня три года. И я все горевалъ: никакъ

не пойму словъ ихъ. А тутъ Богъ послалъ человѣка: сидѣть, книжку курить. Я попросилъ глянуть. Слова не наши. Безпонятно, а обрадовался. Купилъ книжку. Сталъ читать, читать. Трудно до ужаста. Бросилъ работу. Кричали на меня, измывались, хотѣли опять увезти въ сумашедчій. А я заупрямился. И какъ заупрямился, одолѣлъ. И опять мнѣ эти сны пошли. Обмиралъ я на сколько часовъ отъ радости: понимать сталъ, чего они говорятъ мнѣ:—«Братъ нашъ!.. Другъ нашъ...»

Сквозь безцвѣтную, рѣдкую бороду два розово-красныхъ пятна выступили на скулахъ его. Испуганно глядя на Вострухина, Марей алакалъ.

— А проснешься, вездѣ тоже самое. Тѣ же люди. Тошно мнѣ, слово пѣту. Такъ я сталъ пить вино. И чѣмъ больше пью, тѣмъ будто, лучше, легче. Будто у меня съ грудей обуза падаетъ... И сны тогда явственнѣе...

Они сидѣли долго, до обѣда. А вечеромъ художникъ увидѣлъ его, полумертвеца, путно не оправившагося отъ болѣзни, съ чахоточнымъ румянцемъ на лицѣ, видѣлъ пьянымъ у воротъ потайного кабака, совсѣмъ обезсилѣвшимъ, еще болѣе жалкимъ, зелено-блѣднымъ, съ безжизненно помутившимся взглядомъ. Неуклюже перегибаясь въ поясницѣ, надъ нимъ стояла его беременная жена.

— Марей, да что-жъ ты это дѣлаешь?—горестно воскликнулъ Вострухинъ.

Пьяный тихо, безсвязно, полумертво бормоталъ что-то запекшимся губами.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

День начался истомой и удушьемъ. Словно изъ распахнутыхъ дверей жарко натопленной бани, по корридору рѣки, стиснутой лѣсомъ, отъ нагрѣтыхъ стѣнъ Малороссіи, ползла мга, къ обѣду емѣнившаяся зноемъ. Животныя и люди обливались потомъ. Надъ церковью безпокойно кружились стрижи. Сбившись въ плотную, пыльную массу, опустивъ къ землѣ осанатѣвшія морды, на выгонѣ отдыхала отара овецъ, которую гнали хриплые, бронзовые мѣщане.

Стрепоженные мужицкія лошади, разбившись на пары, сонно грызали хомки. Пьяно кружилъ голову ароматъ цвѣтущей сирени, стѣной разросшейся вдоль изгороди.

— И потѣха—потѣхъ розъ. Допрежъ былъ живописецъ, а теперь вотъ въ работникахъ у дьячка, ажъ самъ себѣ дивуюсь!—

Кряжистый съ отвислымъ животомъ, неопредѣленнаго возраста мужикъ, напросившійся къ Вострухину въ помощники, весело зашмыгался.

— Желаете, господинъ художникъ, какъ было дѣло?

— Расскажи.

— Да рассказывать-то нечего.—Мужикъ залилъ подъ котелкомъ съ клеємъ тлѣвшіе угли и усѣлся у ногъ Ефима Михайловича.—Я съ измальства живописному обученъ. Ну, уговорились съ о. Евлампіемъ: старыя иконы подновить, новыя—радостныя. Я его сбиль.—«Дозвольте, молъ, батюшка, отъ своего ангела-хранителя починъ вести». «Что-жъ, начинай, гритъ, Евстахій, это, гритъ, дѣло твоего разума». Досталъ книжечку, карандашикъ, записалъ что-то.—А какъ же, молъ, нацѣтъ задаточку, батюшка, какую положите вашу резолюцію? Слова не сказалъ, далъ три цѣлковыхъ. Отслужили молебень, я сварилъ масла, натеръ красокъ, поставилъ около себя политуру:—ну, я, молъ, батюшка, начинаю, благословите.—«Начинай, Евстахій, начинай съ Господомъ...» Сталъ я писать своего ангела—Евстахія Плакиду—воина. Выбралъ повиднѣй мѣстечко, написалъ ему ноги, туловищу, копье въ руки поставилъ. Пришло трудное—лицъ. Лицъ, молъ, подожду: надо обдумавши. Отложилъ въ сторону лицъ, сталъ мулевать оленя: очень ладный вышелъ, только не затонастъ пощками да не крикнетъ. Отецъ Евлампій самодоволенъ, благодарить меня.—«Подождите, молъ, батюшка, я еще не то отрожу:—«Валяй, валяй, Евстахій, помоги тебѣ, Господи». А у меня былъ знакомый мельникъ Панфилъ,—можетъ, слышали такого? Пошѣжалъ къ ему: будь другъ, дай для святаго дѣла оленьи рога!—«Да возьми,»—гритъ. Даже и не спросилъ, по какому случаю пужны. Пробуравилъ я оленю надъ темячкомъ дырку, вставилъ ихъ, примазалъ алабастрцемъ, рядомъ бѣлой краской вывелъ сіяніе, рога съ жончиковъ золотые. Бѣгу къ отцу Евлампію.—Такъ и такъ, молъ, батюшка, подите ко мнѣ. Тотъ тревожный:—«Что случилось?»—А

вы идите!.. Идетъ. Погъ у его выступилъ: пугливый!—Когда, говорю, войдете въ церковь, смотрите въ куполъ, по сторонамъ не смотрите.—«Зачѣмъ, Евстахій?»—Такъ, молъ, по сторонамъ не смотрите.—«Ты меня, Евстахій, пугаешь!» И самъ-дѣлъ въ лицѣ потускнѣлъ:—Тамъ, видно, какое оскверненіе святости произошло? Можетъ, неслъ забѣгалъ въ раскрытыя двери и оставилъ слѣдъ?»—Нѣтъ, молъ, въ этомъ нельзя сумлеваться, только смотрите въ куполъ. Вошли. Онъ слушается, глядитъ въ куполъ и какъ бы у его дрожъ по тѣлу.—«Долго еще Евстахій?»—Сейчасъ, молъ, скоро... сей минутъ... Обертывайтесь сразу... Онъ такъ обернулся и—слова не можетъ вымолвить. Черезъ сколько время заплакалъ:—«Великій ты чудодѣй, Евстахій!..» Рунъ инѣ далъ.

Мужикъ шарить ладонью около себя по подорожнику, словно отыскивая тотъ рубль, что подарилъ ему Евлампій.

— Ну, а что было дальше?—съ улыбкою спросилъ Вострухинъ.

— Опосля принялся я за ликъ своего ангела, преподобно-мученика Евстахія Плакиды — воина, вывелъ его радостно-смѣющимся. Внизу, для подтвержденія, едѣлаъ помѣтку: «Веселіе моего сердца въ Господѣ...» Это—чтобы какіе темные понимали, что съ улыбкою онъ не зря...

— Мы въ ту пору считали, — насмѣшливо отозвался Корень, — двадцать два зуба оскалевши... Стоить, какъ дуракъ, ротъ до ушей расіялилъ. А олень самый похожъ на лошадь, какихъ не бываетъ... Богомазъ!..

— Ты—хорошъ! Только людей калѣчить!—огрызнулся мужикъ.— Два мѣсяца я работалъ. Прихожанамъ до ужаси понравилось. Слухъ пошелъ по округѣ. Бабы потащили холстинку. Мнѣ отъ всѣхъ угощеніе: на нѣтъ было спился! Къ чему дѣло дознался благочинный. Приѣхалъ, поглядѣлъ. И, стало быть, что не глянулось:—«Ты би еще коровій хвостъ привѣсилъ!»—Фасонъ, молъ, испортится.—«Фа-сонъ! Замажь и убирайся вонъ, богохульникъ, невѣжа! А вамъ, о. Евлампій, стыдно: я обязанъ донести преосвященному». Выхватилъ вотъ у этого фигаля молотокъ, сперва рота сбилъ, потомъ ликъ съ щикатуркой...

Неожиданно раздражается громъ, отъ котораго всѣ вздрагиваютъ. Изъ-за лѣса надвигалась черно-сизая, съ развѣвающимися лох-

матыми крыльями туча. Неподвижные ясени трепетно зашевелились. По улицѣ промчался слабый вихрь, вздымая пыль, союму, трипки. Еще безпокойнѣе заметались стрижи надъ колокольной. Тревожно, глядя влажными глазами на приближающуюся тучу, овцы стучали копытами о землю. Встали изъ подъ акацій мѣщане, натянули на себя рванья, выгорѣвшія отъ солнца чуйки, крѣпко перетягиваясь новодьями. Нанскось, черезъ улицу, къ разостланной на лужу моченкѣ, торопливо побѣжала баба.

Туча заняла уже полнеба. Стало нестерпимо душно, почти темно. И вдругъ надъ церковью ослѣпительно полыхнула молнія, отъ греска, грохота и гула задрожала и заколебалась земля. Втянувъ кудлатую голову въ плечи, Корень опротивью бросился въ караулку.

— Про...э...ва-а...—стараясь перекрычать громовые раскаты, раскрылъ ротъ Плакида, и такъ уже ссутулившись, какъ покатоки, еноро и часто переставляя короткія ноги, понесся на поповку.

Въ слѣдъ ему, какъ изъ ведра, хлынулъ благодатный весенній дождь.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Туча быстро пронеслась. Изъ-за разорванныхъ облаковъ выглянуло солнце. Все: трава, деревья, крыши ярко заблестѣли, воздухъ сталъ необыкновенно прозрачнымъ и легкимъ. Отара съ блеяньемъ разбрелась по обмытому выгону. Вылѣзли и мѣщане изъ подъ навѣса. Посрединѣ большака съ журчаньемъ бѣжалъ широкій мутный ручей. Опалами и жемчугомъ заискрились кусты сирени и акацій.

Вострухинъ опять пошелъ въ церковь, съ увлеченіемъ принимаясь за прерванную работу. Прибѣжала запыхавшаяся Варя въ бѣломъ платицѣ. Еще съ наперти звонко сибялась, вся цвѣтущая, милая, какъ эта вѣчно юная, вѣчно прекрасная, милая, радостная, непорочная земля.

— Вы знаете, я—босикомъ!—закричала она Ефиму Михайловичу.—Хорошо!..

Вострухинъ засмѣялся, пошелъ къ ней навстрѣчу и, самъ не

отдавая отчеты себѣ—такъ это просто вышло,—взявъ ее голову и поцѣловалъ въ ясный, чистый, почти дѣтскій лобикъ.

А Варя словно знала, что теперь, въ этотъ свѣтлый, весенній день, это такъ должно и быть, словно предчувствовала сердцемъ, что это—хорошо, безгрѣшно: безъ испуга, безъ крика, безъ удивленія поднимая на него сѣрые, добрые, чистые глаза, робко-радостно улыбнулась, доверчивая, вся напоенная восторгомъ...

— Ой, да какъ же хорошо-то все, милый вы мой!—сквозь радостныя слезы воскликнула она и засмѣялась, и заплакала, и стала тормошить Вострухина, и сердиться, зачѣмъ онъ подглядываетъ, «когда люди отчего-нибудь плачутъ», грозила не разговаривать всю жизнь, на всю жизнь раззнакомиться, а слезы все лились, лились, а смѣхъ сквозь нихъ звучалъ все радостнѣе, нѣжнѣе.

— Ой, милый мой!.. Вострушка моя!.. Ой, какъ же все хорошо-то, сердце мое!..

Бѣгала по церкви, отпечатывая на каменныхъ плитахъ слѣды маленькихъ мокрыхъ ногъ, цѣловала локъ Христа, любовно глядѣвшаго на нее со старенькаго придѣла, путала Вострухину волосы. Спихавшись, «посерьезнѣла», притихла.

— Я уйду, Воструша, а вы непременно, непременно работайте. Я вамъ мѣшаю. Или вотъ что: пойдемте сейчасъ въ лѣсъ, ну, тамъ же теперь чудно, чудно!..

И, не давъ ничего сказать Вострухину, подхватила его подъ руку, таща къ дверямъ. Остановилась, приподняла раскраснѣвшееся лицо, съ улыбкою заглядывая въ глаза, и, обвивъ его шею тоненькими ручками, крѣпко-крѣпко поцѣловала въ губы.

— Ну, родненькій же ты мой! Родненькій!..

И прижалась къ нему, какъ вѣточка, и опять засмѣялась и заплакала отъ счастья, и какъ на вѣтвяхъ сирени, на щекахъ ее заблестѣли и заискрились чистыя слезинки...

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Марей, такъ и не приходя въ сознаніе послѣ того, какъ напился пьянымъ, черезъ нѣсколько дней умеръ. Всѣ эти дни онъ бредилъ и порывался куда-то уйти, но безсильное тѣло не повиновалось, и Марей, лишь слабо шевеля синими губами, тихо стоналъ. Особенно тяжелыми были ночь и утро передъ грозой: онъ задыхался, хрипѣлъ, царапалъ отросшими ногтями лицо, сбрасывалъ тряпки, прикрывавшія тѣло. А когда пронесся первый гулъ, вздрогнулъ, вытянулся и до самой смерти лежалъ счастливо улыбающимся. Около постели сбились плачущія дѣти, сосѣди посадили у изголовья старика-отца, Марей открывалъ иногда съ тою-же тихо-радостной улыбкой остеклянѣвшіе глаза, но не узнавалъ никого.

— Благослови ихъ... вѣдь умираешь! — наклонился къ нему Онанька, указывая на дѣтей:—Наплодилъ чортову дюжину!.. На кого теперь бросаешь?..

Въ полдень Марей приподнялся на локтѣ, обвелъ избушку восторженнымъ, будто осмысленнымъ взглядомъ, такъ напряженно пробылъ нѣсколько секундъ и, ткнувшись головой въ подушку, сталъ дергаться. Ему вложили въ холодѣющую руку свѣчку, дѣти громко заплакали, но черезъ двѣ-три минуты у Мареевъ что-то отлегло, онъ глубоко вздохнулъ и открылъ глаза.

— А можетъ еще отдыхаетъ?—неувѣренно вымолвилъ старикъ, махнувъ рѣдкіе, липкіе волосы его:—Сыночекъ, легче тебѣ? Можетъ, еще, Богъ дастъ, отмаешься,—а?

Но онъ не отмаялся и часа черезъ полтора неслышно, будто радучись, умеръ.

Вострухина извѣстилъ о смерти Мареевъ мальчишка съ поповки. Бросивъ недопитымъ чай, Ефимъ Михайловичъ пошелъ за шляпой.

— Я тоже пойду,—сказала Варя.

— Зачѣмъ, дочка? Что за охота глядѣть на покойниковъ. А потомъ будешь нервничать!—недовольно проворчалъ Никодимъ.—Умеръ, и Богъ съ нимъ.

Варя вскользь посмотрѣла на отца и, ничего не отвѣтивъ, спустилась вслѣдъ за художникомъ съ крыльца. Идти было далеко, черезъ всю деревню. По грязной улицѣ, высоко поддернувъ сара-

фаны, бабы гонялись за ягнятами. По конопляникамъ бѣгали ребяташки, спугивая съ полось птицъ. Сытно наѣвшияся коровы ожидали у воротъ дойки. Навстрѣчу ѣхали мужики съ полемъ. Опрокинутыя на возилки сохи раскатывались на пригоркахъ и били лошадей по кобылкамъ. Одни изъ встрѣчавшихся мужиковъ приветливо кланялись Вострухину и Варѣ, другіе отвертывались или съ двусмысленными усмѣшками подмаргивали другъ другу.

У дверей Мареевой избушки два старика строгали гробъ покойному. Рядомъ сидѣлъ четырехлѣтній кудравый мальчикъ и съ наслажденіемъ хлопалъ по коричневой навозной жижи, вытекавшей изъ подъ воротни, надутымъ бычачьимъ пузыремъ съ горохомъ. Лицо и рубаха у мальчика были забрызганы грязью, а глаза, какъ росники, радостно поблескивали.

— У насъ тятя умеръ, — сказала онъ подошедшему Вострухину: — дѣдка всѣхъ за это по материну ругаетъ.

Подъ окнами, какъ на свадьбѣ, толпились любопытные: маленькая изба и темная конура, замѣнявшая сѣни, не вмѣщала всѣхъ. Варя и Ефимъ Михайловичъ кое-какъ протискались въ середину. Въ переднемъ углу, уже обмытый, причесанный, въ бѣлой льняной рубахѣ, новыхъ лаптяхъ, лежалъ спокойный, съ тою же радостной улыбкой на синихъ губахъ, Марей.

Жена шила саванъ. На стеклахъ бились тучи мухъ. Робко колебались желтенькіе язычки копеечныхъ свѣчъ, прилѣпленныхъ къ божницамъ. И отъ этихъ свѣчъ, всегда жуткихъ въ закопѣлыхъ избахъ, отъ горя и нужды, сквозившихъ изъ каждой щели, требова- тельно кричавшихъ изъ каждой тряпки, отъ прозрачно-воскового, измученнаго лица покойника, что-то защемило въ груди Вострухина, къ горлу подкатился ѣдкій клубокъ, — онъ крѣпко сжалъ руку Вари и долго стоялъ съ закрытыми глазами, борясь съ собой.

Въ головахъ Марее сидѣлъ Онашка, о-бокъ — дѣвченокъ, Дмитрій Петровичъ, точь-въ-точь какими пишутъ деревенскихъ дѣвченокъ на любочныхъ картинахъ: худой, со впадой грудью, бородкой клиныш- комъ, въ вышитомъ алыми розами и зелеными крестами поясѣ, поверхъ панковаго подрясника.

Разложивъ на опрокинутомъ лукошкѣ древняго писма псалтирь, Дмитрій Петровичъ медленно, съ одышкой перебиралъ дребезжащій

голосомъ вѣчно юныя, вѣчно искрящіеся блескомъ солнечнаго генія слова царя-поэта:

— Ако вода, излихся... и разсыпашася вся кости моя. Бысть сердца мое, яко воскъ, таяй посреде чрева моего. Изше, яко екудель, крѣпость моя... и языкъ мой прилепне гортани моему... и въ персть смерти свелъ мя еси...

Внесли пахнувшій весенней сыростью гробъ. Переложили въ него маленькое, покорное тѣло Марее-сновидца, жалкаго котенка въ дьявольскомъ мужицкомъ ярмѣ, бесплодно, какъ въ тепетахъ, измѣнавшего постылую жизнь, — прилѣпили по краямъ гроба свѣчи: въ головахъ, у накрестъ сложенныхъ рукъ, въ подножіи.

Онашка попросилъ пересадить его къ лицу покойника. Съ улицы внесли сѣзокъ, покрыли пыльной дерюжкой. И тотчасъ же на бѣлый миткаль покрывала стадами стали выпрыгивать блохи. Старикъ горестно затрясъ головой, застоналъ. Его пересадили на лавку, дерюгу выбросили, замѣнивъ полубубкомъ, но блохи прыгали и оттуда, ползали по лицу, путались въ волосахъ и матовой бородкѣ Марее, бились въ ней: такъ же самъ Марей, глупое Божье дитя, весь свой вѣкъ бился и путался въ безпощадныхъ, слѣпыхъ лапахъ мачехи-жизни...

Онашка подтянулся вилотную къ лавкѣ, на которой лежалъ покойникъ, заглянулъ въ лицо его, трясущимися руками сталъ выбирать блохъ. И тихо шепталъ сквозь стиснутые зубы:

— Сынокъ!.. Сыночка!.. Ай не слышишь, сыночка?..

Нѣжно гладилъ его холодную щеку.

— Убрался?.. теперь бариномъ сталъ?.. А мы-то, что станемъ дѣлать, бродяга ты этакій?.. На кого-жъ ты насъ-то оставилъ, старыхъ да малыхъ, — не подумалъ?.. Сынокъ, сыночка!.. Съ кѣмъ, молъ, жить-то мы теперь будемъ?..

Припалъ къ рукѣ его.

— Сынокъ!.. саночка!.. сыночка!.. Бросилъ отца-то на старости лѣтъ?.. позвалъ бы съ собой!.. Маяту-то снялъ бы съ меня!.. Эхъ, ты читарь латырскій!..

Насмѣшливо зло захрипѣлъ, а изъ глазъ, какъ орѣхи, плыли слезы.

Стоявшіе рядомъ дѣти засмѣялись.

— Какихъ узоровъ не видали? Почто набились?—закричалъ на нихъ Онашка.—Поживите вотъ безъ отпа-то, не такъ заржете, дьявольская сила!..

Дѣти подняли ревъ, а старикъ опять обернулся къ Марю, положилъ на край гроба руки и опять неотрывно глядя на него, захлебываясь шепталъ:

— Сынокъ!.. сыночка!.. сыночка!.. Дитячко мое убогое, не-наглядное!..

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Мочи нѣтъ—душно.

— Господинъ живописецъ! Господинъ живописецъ!..

Вострухинъ обернулся. Съ дьяконскаго крыльца ему отчаянно махалъ руками работникъ Данила.

— Въ чемъ дѣло?

— Идите, ради Бога, скорѣе!..

Данила схватилъ Ефима Михайловича за рукавъ и, брызжа слюною, потащилъ въ прихожую.

— Что случилось?—спрашивалъ съ недоумѣніемъ художникъ.

— Тсс... Ради Бога, скорѣе. Не стучите ногами!..

Мимо нихъ, въ дверяхъ прихожей, проскользнула красная кухарка и мальчишка-подростокъ.

Работникъ втолкнулъ Вострухина въ прихожую и спрятался за косякъ.

Изъ другой двери,—какой именно, Ефимъ Михайловичъ сразу не понималъ,—раздавалась возня, приглушенный женскій смѣхъ, потомъ совсѣмъ громкій смѣхъ, перемежавшійся съ визгомъ, на полъ полетѣлъ опрокинутый стулъ, кто-то тяжело ступая босыми ногами пробѣжалъ по комнатѣ, и странно знакомый мужской голосъ воскликнулъ:

— Ой, ты съ ума сошла!..

Въ отвѣтъ раздался хохотъ. Справа дверь быстро распахнулась, изъ нея, зажавъ въ кисти руку концомъ рубашки, въ одномъ бѣльѣ,

выскочилъ встрепанный Никодимъ, за нимъ—Настасья Никитишна. Увидѣвъ опалѣлаго Вострухина, маленькая дьяконша взвизгнула и спряталась за Никодима и, прикрываясь сорванной съ вѣшалки дьяконовой рясой, исчезла за дѣрями, а багровый, съ широко раскрытыми глазами пошъ дѣло, бессмысленно глядѣлъ на Вострухина.

— Чортъ возьми... исторія...—протянулъ онъ.—Я же затворилъ двери на ключъ.

Опять уставился на художника.

Поймавъ на лицѣ его жалкую, растерянную улыбку, сморщился, потомъ громко расхохотался, сотрясаясь могучимъ корпусомъ.

— Какъ вы сюда попали, гость непрощенный?

Бокомъ, какъ подбитый грачъ, путаясь въ собственныхъ ногахъ, Вострухинъ бросился къ дверямъ.

— Да подождите, ну васъ къ чертямъ, куда вы удираете!—съ досадой вымолвилъ Никодимъ, загоразивая ему дорогу:—вѣдь теперь все равно... Какъ вы сюда попали!.. Искали меня что-ли?

Онъ подставилъ подъ рукомойникъ зажатую руку, съ которой капала кровь.

— У васъ есть чистый платокъ? Нѣтъ? Я сію минуту...—Никодимъ ушелъ за перегородку. Ласково уговаривалъ тамъ всхлипывавшую Настасью Никитишну. Вострухинъ выскочилъ на улицу.

— Ну, что—видали собачью свадьбу?—Изъ за угла крылечной подшивки вынырнула голова Данилы.—По губамъ не съѣздили?—Работникъ сладко трясся въ беззвучномъ смѣхѣ.

— Св-волочь!—прошепталъ художникъ, сбивая съ него картузь.—Мерзавецъ!

— Да за что-жъ?—испуганно привскочилъ Данила.—Я-жъ для шутки... Да что-жъ вы дѣлаете!..

Черезъ часъ къ Вострухину постучался Никодимъ.

— Что, Ефимъ Михайловичъ, осуждаете пастыря?—прямо спросилъ онъ. Пошъ былъ уже спокоенъ, открыто глядѣлъ на Вострухина.—Въ жизни всяко бываетъ, господинъ художникъ. Грѣшу, не таю, въ примѣрные пастыри не мѣчу: не по силамъ...

Онъ прошелся по комнатѣ, разсѣянно постучалъ взятымъ со стола карандашемъ по рамѣ.

— Я, собственно, не оправдываться зашелъ къ вамъ,—какъ-то

особенно серьезно произнесъ онъ:—до того, какъ я живу, постороннимъ нѣтъ дѣла: я передъ Богомъ отвѣчу...—Попъ что-то хотѣлъ сказать иное, путался.—Мораль, долгъ, цѣломудріе—это все очень хорошо, только не про насъ писано... животное въ человѣкѣ не умретъ, какъ бы его не подстригали, это не наша вина... я вдовецъ... Впрочемъ, все это не то!.. И вдругъ лицо его стало тусклымъ, молящимъ.

— Ради всего святаго, Ефимъ Михайловичъ... не трогайте... дочку!.. Я же вижу, что вы... ну, любите, что ли, другъ друга, это хорошо!.. Но только... не трогайте: она сирота! Пусть это свѣтлое, что она сейчасъ переживаетъ, продлится возможно дольше... Хотите, я, распутникъ, но все же служитель престола Божія, стану передъ вами на колѣни... только, ради Христа... не трогайте!..

И Никодимъ заплакалъ.

— Я, знаете... не могу представить... чтобы кто-нибудь... загрязнилъ хоть край одежды ея!..

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Старикъ Андрей, отецъ убитаго Егора, встрѣтилъ Вострухина на порогѣ своей избушки. Словно каждый день, какъ червь, подтачивавъ его: изсохъ, пожелтѣлъ, еле-еле двигалъ ногами.

— Провѣдать пришли, батюшка?.. Не красно живемъ...

Ощупью пробирался по стѣнкѣ, выгирая подоломъ рубахи слезлившіеся глаза. Велъ художника въ избу.

— Вотъ сюда, на лавку-то, тутъ чисто. А я было самъ къ тебѣ собирался, да все мочи нѣтъ...

Избушка, какъ всѣ крестьянскія, была въ два окна. По недавно выбѣленнымъ стѣнамъ были развѣшаны любочныя картины, между ними—фотографія блокураго, какъ и Егоръ, парня лѣтъ двадцати четырехъ, гладко причесаннаго, въ крахмальномъ сорочкѣ, галстухѣ. Рубашка и галстухъ, вѣроятно, были надѣты въ первый разъ, высокій воротничекъ слишкомъ туго стягивалъ сильную шею, это безобразное энергичное, съ закругленнымъ подбородкомъ, умное лицо.

— На сына смотрите?—кратко спросилъ старикъ:—это—старенькій, Ваня... Не привелось пожить на свѣтѣ...

Съ трудомъ всталъ на колѣни, оправляя пучокъ золотисто-блѣдыхъ, безсмертниковъ, прикрѣпленныхъ надъ карточкой. Художникъ обратилъ вниманіе: въ избушкѣ не было иконъ, лишь на томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то была божница, чернѣли впадины выданныхъ гвоздей.

— На заводы было сталъ ходить, денжонки слалъ... А вышло по иному... Горе ли пришло, предчувствіе ли, близкой смерти, когда и тяжелыя несчастія, и яркія радости становятся равноцѣнными, внутренняя ли крѣпкая сила владѣла: старикъ казался спокойнымъ.

Прошло уже около мѣсяца, какъ Вострухинъ написалъ заявленіе губернатору о преступленіи союзниковъ, а слуха все еще не было. За это время къ нему навѣдывался урядникъ и требовалъ паспортъ. На кухнѣ урядникъ шушукался съ работниками, а потомъ работники рассказывали Вострухину, что урядникъ выпытывалъ: не даетъ ли живописецъ запрещенныхъ листовъ и книжекъ, не ругаетъ ли начальство.

Ефимъ Михайловичъ сказалъ старику, что онъ подалъ жалобу губернатору.

— Ни къ чему это!—горячо воскликнулъ Андрей.—У неправильныхъ не ищутъ правды!.. Не ищутъ, не ищутъ!..

Былъ спокойный, грустный, въ себѣ затаенный, а задѣли ревниво скрываемую струнку, загорѣлись большыя глаза, задрожали губы.

— У своихъ ищутъ правду!.. Сердце у кого есть, ищутъ правду!.. Не вѣрю имъ, не хочу, не пужна мнѣ ихняя правда, не воротимъ дѣтей!..

И ослабъ, помутился, черезъ силу шепча:

— Душа желаетъ правды. Правда придетъ, только не отъ ихъ. Отъ дѣтей моихъ, мучениковъ, придетъ правда...

Съ улицы два парня ввели подъ руки сырую, задышающуюся, не по лѣтнему—въ полушубкѣ и валенкахъ—одѣтую старуху. Глядя незрячими глазами въ стѣну, она тяжело дышала, облитая потомъ. Посадивъ большую на лавку, одинъ изъ парней подошелъ къ Андрею.

— Дѣда, на полоскѣ въ Песчаномъ надо бы навозцу потрусить.

— Ну-къ што-жъ...

— Завтра съѣдимъ туда. И картошки огрудимъ. Собирались нынче, да не вышло—нельзя.

— Ну-къ што жъ, время терпѣть. Надо бы огорожу на задахъ поправить.

Андрей былъ уже спокоенъ, въ слабомъ голосѣ проскальзывала еще не изжитая крестьянская забота.

— Это ты съ кѣмъ, отецъ, разговариваешь, Ваня что ли приѣхалъ?—равнодушно спросила старуха.

— Нѣ-ѣ, мать, это Петяшка съ Васей,—весело отозвался старикъ.

— Петяшка съ Васей? Это—чьи же?

— А Ивана Спиридонова да Ключниковъ.

— А-а, знаю... Видно, опять отъ Вани привезли письмо?—Старуха сидѣла все такъ же неподвижно; глаза по прежнему были устремлены въ одну точку.—На недѣлѣ пять писемъ плетъ, а самъ не ѣдетъ... Все завтра да завтра... Ну-ко, почитайте, что пишетъ...

Андрей испуганно поглядѣлъ на парней.

«Лети, мое письмо, извивайся, въ руки никому не давайся, дайся тому, кто милъ сердцу моему»,—нервно кусая губы, какъ твердо заученный урокъ, зачастилъ парень. Онъ былъ черенъ, худъ, со втянутыми щеками, весь какой-то издерганный.

— «Прилети, мое письмо, въ высокъ теремъ, къ родимому батюшкѣ, Андрею Николаевичу, къ родимой матушкѣ, Палагѣ Ивановѣ, къ братцу моему одноутробному Егору Андреевичу...»

— Хорошо какъ!—радостно вздохнула старуха.

— «Прошу я у васъ, милые и незабвенные родители мои, благословенія, на вѣки нерушимого, которое существуетъ по гробъ жиз...»

Парень остановился и, ломая руки, молчалъ.

— Ну что-жъ ты?—спросила старуха.

— Слѣпо написано! Ишь, ты, видать, торопился: намулевалъ, намулевалъ!—со смѣхомъ закричалъ Андрей.—По молодому дѣлу, не нашелъ ли себѣ «рали! Какъ нашелъ, то не до писемъ... Бери-ка, Петяшъ, у тебя глаза бойче!..

— «Вашего родительскаго благословенія... на вѣки нерушимаго... существо по гробъ жизни...» запинаясь началъ второй.

— Это ужъ читали,—недовольно сказала больная.

— Оборачивай на другую сторону, это ужъ читали!—подхватилъ Андрей.

— «Къ веснѣ собираюсь... побывать домой... повидаться съ милой моею родительницей, Палагеей Ивановной...»

— А весна-то ужъ прошла,—въ раздумьи сказала старуха.

— На другую... Не на эту, а на другую!—кричалъ трясущимся Андрей.—Ишь, ты вотъ, ты никакъ, Петяшка, пропустилъ слово? Ну-ко, Вася, гляди ты: ты лучше читаешь, у Петяшки неразборчиво!..

— Каждый разъ почтѣть читать и напутаетъ,—встала старуха:—вчера тоже про что-то сбился..

— «Увѣдомляю васъ, дорогіе мои и ненаглядные родители, Андрей Николаевичъ, Палагея Ивановна,»—глота слезы, началъ Вася:—«хозяйева мною очень довольны, но только мнѣ очень скучно по васъ и по братцѣ Егорѣ Андреевичѣ, возьму на будущую весну...»

— Слышь, мать: «возьму на будущую...»—

— ... «на будущую весну мѣсячный отпускъ и приѣду повидаться съ вами, а пока ждите отъ меня гостинцевъ: матушкѣ платокъ и карукавники, братцу...»

Письмо тянется долго. По недавней просьбѣ матери, Ваня описываетъ, какъ онъ живетъ, что ѣсть, какія носить рубахи будешь и какія въ праздникъ, сколько получаетъ жалованья, какъ живешь и что дѣлаютъ односельцы.

Подъ конецъ письма Андрей зеленѣетъ отъ напряженія и почти безъ чувствъ опускается на лавку. Больная проситъ поддержать письмо въ рукахъ, Андрей вскакиваетъ и лѣзетъ на полку за почтовымъ засаленнымъ листкомъ бумаги.

— А я ужъ было спряталъ его, вотъ держи-ка!..

Это, можетъ быть, въ тысячный разъ за время болѣзни...

Мать вертитъ въ рукахъ бумажку.

— Легкое... какое...

Дремлетъ. Дѣлая руками знаки Вострухину, всѣмъ на виду выходитъ изъ избы.

— Куда-жъ вы?—неожиданно спрашиваетъ старуха.

— А никуда, за столъ хотѣли присѣсть,—весело отвѣчаетъ Андрей.

— За столъ?.. Зачѣмъ за столъ?.. Развѣ Ваня пріѣхалъ? А? Стенъ!..

Старикъ испуганно глядитъ на пса, но женщина снова безсильно опускаетъ вѣки.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

На конопляникахъ, межъ дугою завернувшимъ селомъ и поповою, Вострухина нагналъ Вася. Онъ задохся, долго не могъ вымолвить слова отъ усталости.

— Мнѣ хочется спросить васъ... Сейчасъ очень трудно жить... А вы все таки ближе къ нимъ...

Торопился, проглатывалъ слова, до боли хотѣлъ быть спокойнымъ, не могъ: что-то надтреснутое, одинокое, оброшенное зазвучало въ его голосѣ съ первыхъ же словъ.

— Вотъ Егора, а потомъ другихъ нашихъ товарищей... А вы не поглядѣли и насупротивъ всѣхъ пошли, и пристагу накричали... за совѣсть стояли, чтобы въ человѣкѣ правда и совѣсть были... И это намъ всѣмъ полюбилось: пріѣхалъ чужой, неизвѣстно-откуда, а заступился за правду... И мы были рады... Скажите: можетъ быть, вы изъ нашихъ же?.. Которые за правду, чтобы всѣмъ жить хорошо... чтобы—какъ по братски,—а?..

Горячо глядѣлъ тоскливыми глазами въ глаза художника и ждалъ.

— Кабы только знать, что мы не одни остались!.. Что въ другой какой деревнѣ или въ городѣ товарищи намъ есть!.. и тоже по нашему думаютъ, чтобы какъ по совѣсти, по человѣчьи. И такъ же вотъ не поддаются... ихъ смерти предають, а они на своемъ стоять, борятся!.. Вѣдь раньше, бывало, комитеты, люди къ намъ пріѣзжали... бывало, летѣть хотѣлось!.. Вамъ извѣстно: цѣлъ главный комитетъ или насъ однихъ оставили?.. Кабы только знать,

но не одни!.. Очень трудно намъ!.. И не то, что тѣснить, а отходить отъ насъ которые были свои!..

Словно боясь услышать то страшное, что не хотѣла принять душа и что, какъ будто, скользнуло въ глазахъ художника, блѣдный издерганный, въ себѣ мучительно перегорѣвшій, юноша схватилъ Вострухина за руку.

— Развѣ я одинъ такъ? Всѣ такъ, всѣ!.. Кабы душа за что-нибудь зацѣпилась, не боязно, потеряли бы!.. А пу-ка, это навѣкъ заглохло!.. Да не мысленное же это дѣло!.. Не можно же этакъ!..

Съ мольбою увѣрялъ Ефима Михайловича, что онъ, художникъ, умирается, что дѣло не заглохло и не заглохнетъ во вѣки, хотя Вострухинъ не произнесъ ни слова. Потомъ оборвалъ себя.

— Нѣтъ, не вѣрю!.. Не вѣрю, не вѣрю!.. Вы правы!.. Не могу, душа моя не терпитъ! Петяша вѣритъ, и другіе вѣрятъ... А я не могу... Петяша день работаетъ, а ночами учится... говорить что это надобно... Ко-му?.. Для Попадейкина?.. Корня?.. Василья Мартынова?..—Парень гадко выругался. Не замѣтилъ этого. Недоумѣнно глядѣлъ:—стало-быть, въ самомъ дѣлѣ: «а» плюсъ «б» минусъ «ж» будетъ «з»?.. Про букашекъ да таракашекъ, по Петяшкину, читать да какъ земля кружится,—а? А насъ одинъ по одному въ саран будутъ таскать?.. Стало-быть, вы мнѣ ничего не скажете?..

Вострухину казалось, что парень сейчасъ упадетъ и станетъ биться въ припадкѣ.

— Поѣзжайте въ городъ,—тихо вымолвилъ онъ.

— Какъ—въ городъ? Искать?.. А какъ же они-то останутся, Петяшка, дѣдъ Андрей, другіе?.. Ихъ же передумать тутъ?..

— Пристройтесь гдѣ-нибудь на заводѣ, вамъ легче будетъ.

— На заводѣ? Легче?.. Тутъ ихъ будутъ душить, а мнѣ—легче?.. Нѣтъ!.. Это—тоже безкрылыя букашки!.. Ну, ступайте.

Простите меня, что задержалъ!..

Стоялъ съ подергивающимся лицомъ и ждалъ, пока уйдетъ художникъ, а по впадымъ щекамъ текли слезы злого отчаянія...

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Въ форматѣ маленькихъ, тщательно разграфленныхъ цвѣтными чернилами листиковъ Ефимъ Михайловичъ узналъ записную книжечку Евлампія. Не стѣсняясь его присутствія, Никодимовы и Евлампіевы работники съ хохотомъ читали ее. Какъ кобель, отбѣжидъ отъ стану, вдали крутился Данила, дыконовъ работникъ. Апроська приближала звать работниковъ на нахоту.

— Батя просилъ, сей минути.

— Пошли его къ чертямъ, обезьяна горбатого, — отвѣтилъ старшій, Акимъ. — Подъ-ка сюды.

— А какъ батя станетъ ругаться? Вы всегда такъ.

— Да поди, дура толсторылая: притчу слушаемъ!

Дернувъ подошедшую кухарку за подолъ и, подъ гоготъ и смѣхъ, сталъ ей остервенѣло рвать грязными, толстыми пальцами груди.

— Уйди, дьяволъ, жей пожалуйста! — со слезами кричала подмятая дѣвка.

Прочитавъ, работники послали книжку Вострухину.

— Уже до страсти потѣшно, какой этотъ Евлашка дуракъ! — крискалъ пастушенко, принесшій книжку.

— Еще считается попъ. Тутъ и про васъ, и про меня, и про Акимку, всѣ народы... Евлашка мчелъ глядѣлъ, а батракъ вытрясъ изъ подрысника.

И вотъ вышло нелѣзное, какое-то большое затменіе, о которомъ не могъ безъ жгучей краски стыда, безъ мучительнаго самопрезрѣнія вспоминать Вострухинъ.

Съ отвращеніемъ убѣжавшій къ себѣ отъ работническаго издѣательства надъ чужой душой, онъ, культурный, со взвинченными представленіемъ о чести, европеецъ, — онъ вровень сталъ съ работниками — дикими, полуграмотными скинами. Что толкнуло его читать чужую, украденную, ревниво прятанную отъ другихъ душу? — съ тоской потомъ спрашивалъ себя Вострухинъ: — вѣдь не любопытство же, что о немъ написалъ Евлампій?.. Спрашивалъ, горѣлъ, метался, и не могъ, не могъ отвѣтить... Было нелѣзное, большое, на всю жизнь грязнымъ пятномъ на совѣсти оставшееся затменіе...

Книжечка была почти вся исписана. Только двѣ, три странички оставались чистыми, да на обложкѣ, съ внутренней стороны, неуверенными линіями былъ набросанъ планъ какой-то постройки.

Вырвалъ ее изъ рукъ пастушенка, затоналъ, закричалъ на него, тщательно спряталъ въ ящикъ стола, а потомъ ходилъ, ходилъ по комнатѣ, и съ каждымъ шагомъ въ груди росло безпокойство, каждый шагъ становился нервнѣе, срывнѣе. Открылъ настежь окно, перебралъ въ цѣточной вазочкѣ воду, убралъ комнату, сложилъ разбросанныя кисти, книги, курялъ папиросу за папиросой... Потомъ подошелъ къ столу, выдвинулъ ящикъ, досталъ книжечку, снова спряталъ, снова ходилъ, опять досталъ, затворилъ на ключъ дверь, захлопнулъ окно и сталъ жадно читать.

Читалъ:

«Вечеръ. Столовая. Среда, 4, III... Позоръ, позоръ, іерее!..»

9, III.

«Напутствовалъ умирающаго, Николай Моченный, котораго задвину возомъ. Слушая молитву, онъ глядѣлъ на меня радостными глазами и плакалъ, а кругомъ такая изнурительная бѣдность, пятеро сиротъ остались безъ пропитанія. — Чего онъ радуется? — подумалось мнѣ.

И, словно угадавъ мои мысли, онъ покрывалъ мнѣ пальцемъ.

«Какъ, батюшка, мнѣ будетъ на томъ свѣтѣ — надѣяться или не надѣе? — Хорошо тебѣ, говорю, будетъ, Николай, вѣруй и надѣйся. — «Убонники-то будутъ давать?» — Будутъ, говорю, и убонники, и сахару, и пшеничнаго хлѣба, и меду, и просфоръ, и работы мало, и чисто, какъ въ храмѣ... И онъ еще счастливыѣ засмѣялся и сказалъ: — «Спасибо, батюшка, что похлопоталъ за меня, мнѣ отдохну малость, а то тутъ у васъ больно маятно было!»..

Прости мнѣ, Господи, язычнику!..»

6, IV.

«Малышникъ... Въ храмѣ Божественная Литургія, а я... Позоръ! Какой позоръ!..»

23, IV.

«День Великомученика Георгія Побѣдоносца. Исполнилось одиннадцать лѣтъ, какъ Богъ послалъ мнѣ жену Любашу: въ этотъ день, одиннадцать лѣтъ тому назадъ, я вошелъ въ ея домъ, недостойный...

Сколько воды утекло и... слезъ!..»

Длинный перечень дней ангела: жены, родственниковъ, знакомыхъ, окрестныхъ священниковъ съ женами и домочадцами, образецъ нездравительнаго письма. Списокъ дней смерти и погребенія родителей, «моихъ и Любашекиныхъ», списки родственниковъ и знакомыхъ.

«Май. Ласточка, свившая у насъ за наличникомъ гнѣздышко, спесла два яичка.

Расцвѣли піоны на моей любимой грядкѣ».

«Июнь. Цѣлый вечеръ душно пахло мятой.

Въ Екатеринославѣ казнено десять преступниковъ... Докопѣ, Господи?!»

Июль. Августъ. Сентябрь.

Черезъ каждые три, четыре дня записей погоды, наливанія и жатвы хлѣбовъ, прилета и отлета птицъ, цвѣтенія и увяданія травъ, бурь, дождей, засухъ, вѣтровъ, предсмертныхъ «языческихъ» напутствованій, какъ иглы: «Позоръ, позоръ, позоръ, іерее!..» Тщательно скрытые намеки на какіе-то свои позорные грѣхи...

И опять: тамъ-то повѣшено столько-то, разстрѣляно столько-то, должностное лицо загублено тогда-то... «Докопѣ, Господи?!»

Сентябрь, 12-е.

«Потихоньку съ всѣхъ отслужилъ въ храмѣ Заупокойную Литургію по казненнымъ преступникамъ.

Поплакалъ немного: всѣхъ мнѣ въ мірѣ жалко!»

Сентябрь, 29-е.

«Мой домъ сталъ опять посѣщать Никодимъ».

Сентябрь, 30-е.

«Не надо забывать послѣ каждой ѣды полоскать ротъ.

Старайтесь прямо держать свою грудь, особенно если вы худы. (Советы, какъ сохранить и развить свое здоровье Линны Кавальери)».

«Купилъ у слободскихъ дѣтокъ пару щегловъ за булку и сахаръ».

Октябрь, 2-е.

«Никодимъ пришелъ передъ вечеромъ. Любашечка тосковала весь день. Увидѣла его, обрадовалась, сказала: у меня, о. Н-и, есть хорошая обновка. Показывала ему въ своей комнатѣ или, какъ она называетъ—будуарчикѣ, батистовыя рубашечки».

Октябрь, II.

«Выпалъ первый снѣгъ.

Не таятся уже передо мною... Какъ только онъ приходитъ, затворяются въ Любашиной комнаткѣ.

Стыдъ—подслушиваю!..»

Октябрь.

«Вечеръ. Близко къ одиннадцати. Слышу, какъ Любаша плачетъ у себя, а у меня сердце разрывается отъ жалости... Рыдаетъ, просятъ, чтобы былъ ребеночекъ. А онъ удивленно спрашиваетъ: ну, на что онъ тебѣ? Какая ты странная... «ты» ей говорить...»

Октябрь, 16-е.

«Сегодня они, нарочито громко, чтобы слышалъ я, смѣялись надъ мной изъ своей комнаты: они знаютъ, что я подслушиваю. А онъ такой вульгарный, требуетъ, чтобы Любаша..... Такъ жалко, жалко ее, бѣдную».

Ноябрь. Суббота, 10.

«Всю недѣлю то гололедица, то вьюга. Приходилъ гнилорѣченскій Акимъ паниматься въ работники. Условились за 50 съ табакомъ, а онъ мнѣ не нравится.

Н-мъ пробылъ до разсвѣта. Любашечка смѣялась. А потомъ крикнула мнѣ: «Потупи, Евлампій, свѣчи и иди спать». А я подумалъ,

что она шутить, не потушить. Тогда она вышла и гнѣвно сказала: «Я же тебя просила потушить свѣчи!..» И показалась мнѣ такой красивой въ своемъ розовомъ капотикѣ, словно королева. Я не вытерпѣлъ: Люба! Люба!.. и заплакалъ, но она, къ счастью, не замѣтила этого.

На зарѣ, закрывая за нимъ двери, я спросилъ: кто намъ, братъ Никодимъ, будетъ судья? — «Тамъ посмотримъ, — отвѣтилъ онъ, — спокойной ночи».

.....
«Ноябрь, 21. Введеніе во храмъ Пресвятыя Богородицы.

Весь день солнышко, свѣтъ хруститъ, садъ въ серебряной ризѣ, таково было радостно на душѣ, а вечеромъ опять Люба плакала: ребеночка, ребеночка!.. А онъ опять только удивлялся: «Вотъ странная, я же говорю, что это не отъ меня зависитъ!..» Тогда Люба еще горче залилась: отъ кого же? Посмотри на меня: съ моимъ ли тѣломъ быть безплодной!.. И всю ночь напролетъ плакала.

.....
Декабрь. Январь. Февраль. Мартъ.

«Быль Н-мъ. Смѣялись... Люба плакала... Люба была радостна, и мое сердце ликовало... Люба была грустна... Сегодня съ слезами просила ребеночка... Люба весь вечеръ хохотала, ребячилась, говорила лишнее... А мнѣ такъ жалко, такъ жалко ее, бѣдную... Люба чувствовала недопомоганіе... Люба до свѣта готовила у Н-ма, а я потихоньку ждалъ ее у воротъ...»

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Въ пятницу по случаю дня рожденія попадья готовились нѣсколько дней. Любовь Алексѣевна сама зашла съ приглашеніемъ въ домъ Никодима. Попадья много смѣялась, передразнивая своего «удивительно глупаго» работника.

— А вы что хандрите, Ефимъ Михайловичъ?—спросила она Вострухина.

— Я? Нѣтъ, ничего...

Художникъ тоже смѣлся, шутилъ, а что-то надрывное прокатывалось въ голосѣ: вотъ-вотъ смѣхъ перейдетъ въ истерику.

Крѣпко стискивая руки, Варя внимательно слѣдила за нимъ, ломала голову, спрашивая себя: что-же случилось, почему онъ сталъ крупнѣе? Почему онъ надѣлю назадъ не пустилъ ее въ свою комнату, не вышелъ къ ужину и теперь избѣгаетъ ее, не смотритъ въ глаза, цѣлыми днями, затворившись, шагаетъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ или уходитъ въ поле, возвращаясь только поздней ночью?

— Я виновата... Я что-нибудь не такъ сдѣлала... Я—гадкая, козлая, низкая...

Убѣжавъ къ себѣ въ боковушку, беззвучно плакала, а увидѣвъ его пробирающимся садомъ, хотѣла крикнуть, позвать, терпеливо накинута платочекъ:—ну, да милый же, ну, Воструша мой, ну, въ чемъ же дѣло-то?—Упала внизъ лицомъ на постель и плакала, плакала до безснія.

Утромъ отслужили обѣдню и молебень о здравіи рабы Божьей Любви. Три телѣги, нагруженные самоварами, свѣдью, бутылками уѣхали спозаранку. На торжество собрались все окрестные поны съ домохозядами, семинаристами, барышнями, начальникъ станціи съ изѣдомъ кривоногихъ выводковъ, помощникъ казеннаго лѣсничаго, консисторскій писецъ въ цвѣтныхъ манжетахъ.

Поны были наподборъ рыжіе, тучные, басистые. Только щетиловскій о. Паисій, «Скудель», былъ, какъ шесть, межъ жернововъ. Дамы—въ тяжелыхъ, неудобныхъ платьяхъ, дорогу до Лосыго Ставища, куда надо было идти двѣ версты пѣшкомъ, ниско улыбались. Никодимъ подсмѣивался надъ ними, бралъ то одну, то другую подъ руки.

— Вспотѣли, мать? Ну-ко, помогу на горку. Несутся курочки-то?.. Ржалъ.

Отдѣльной группой шли семинаристы и барышнии. Говорили, конечно, о литературѣ, дарвинизмѣ, Ренанѣ.

Межъ красныхъ, синихъ, фіолетовыхъ рясъ бѣлымъ пятномъ выдѣлялась Любовь Алексѣевна.

Въ сторонѣ задумчиво шагала горбунъ Евлампій, реалъ колосья и разсыпая бросала черезъ руку. На полдорогѣ догнала жену.

— Люба...

Попадья остановилась.

— Ты не торопись... пожалуйста... Служишь быстро ходишь вредно...

Жена рассматривала его.

— Я, Любаша, только это хотѣлъ сказать тебѣ... Ты недовольна?.. Извини меня...

— Га-дина!—наклонившись къ лицу его, съ брезгливой ненавистью прошептала попадья.

Евламій сразу сталъ землистымъ, схватился трясущеюся рукою за подбородокъ; криво, цѣпляясь неудобными сапогами за колѣчи, пошелъ отъ жены въ рожь.

— Перепела что-ли увидалъ, Евламій? — закричалъ Паисій-иестъ.

— А? Что?.. Нѣтъ, нѣтъ...

Надъ Евламіемъ всю дорогу хохотали: хотѣлъ поймать перепела, а Паисій помѣшалъ.

Первое время гости съ недоумѣніемъ относились къ Вострухицу, но узнавъ, что онъ академистъ, бывшій офицеръ, наперебой стали внимательными, спрашивали о Петербургѣ.

У работниковъ давно уже поспѣли самовары. На травѣ были разостланы скатерти. Какъ гусыни изъ гнѣздъ, изъ плетушекъ выгладывали красныя головы четвертиныхъ бутылей съ водкой.

Мѣстомъ пикника была выбрана поляна на берегу рѣки, съ трехъ сторонъ закрытая лѣсомъ. Было тихо, пріятно, подъ кустами еще не сошла обильная роса. За порослью дикой черемухи и бузины работники купались. Рѣка упруго разносила ихъ голоса, морщилась мелкими рябями. Пришедшая потная толпа внесла на мелину сдержанный гулъ, отрывистые возгласы, натужные баски семинаристовъ.

Тотчасъ же всѣ набросились на ѣду, пиво и водку.

— Боже нашъ, насытивый пятью хлѣбами пять тысячъ...—никогомъ крестомъ благословилъ Никодимъ яства.

Первою чокнулись съ виновницею торжества, второй—за добрую встрѣчу, потомъ за дамъ, барышень, погоду, будущую благополучную встрѣчу подъ тѣми же кущами, за приближающійся юбилей о. благочиннаго... Кто-то напомнилъ, что забыли выпить за Евламія.

Закричали, въ восторгѣ захопавали въ ладоши: за Евламія не выпили умышленно, чтобы потомъ исправить ошибку, и начать кругъ снова: за виновницу, добрую встрѣчу, дамъ, погоду, юбилей... Они и пили жадно. Работники едва успѣвали наливать чай и разносить закуску. Съ каждой новой рюмкой лица больше краснѣли, обильнѣе выступалъ на нихъ потъ. Перешли съ «дамскаго бездѣлья»—рюмокъ на стаканы. Всѣ съ удивленіемъ спрашивали Вострухина, почему онъ не пьетъ. Никодимъ незамѣтно тащилъ дьяконницу къ себѣ на колѣни и, какъ недавно работникъ кухаркѣ, подсунувъ подъ ея мышку потную, красную руку, мѣлъ ей грудь... День былъ удивительно погожій, солнечный, небо—голубое-голубое. Густая, влажно-теплая трава, неспешенная цвѣтами, деревья, задумчивый прибрежный тростникъ чуть-чуть покачивались, едва-едва шелестѣли подъ мягкимъ слабымъ вѣтромъ.

Вскорѣ пьянство перешло въ состязаніе. Семинаристы не отставали отъ отповѣ. А женщины, давно привыкшія къ этимъ возліаніямъ, спокойно глядѣли на папашъ и мужей, часто и подолгу смѣялись надъ ихъ слабозными шутками.

Мо-наси святые,

Жирумъ залитые,

Пьютъ паливочки густыя

Улади—тельно...—

вытаращивъ пьяные изступленные глаза, вдругъ завылъ тощій семинаристъ въ очкахъ. На послѣдней потѣ голосъ его сорвался. Всѣ зареготали и нестройной, вразбродъ плещущей волной, подхватили припѣвъ.

— Бр-раво! Дальше! — взвизгнулъ помощникъ лѣсничаго. — Веселись, русская душа!

Отецъ нашъ Пал-ладій

Съ женой своей Надей,

Наѣвшись оладій,

Возлегъ на полатяхъ,—

Соблазнительно...

Припавъ къ плечу художника, дьяконъ горько плакалъ, жаловалъ на жизнь, а Никодимъ, подъ шумъ, какъ волкъ козу, волокъ слабо сопротивлявшуюся жену его въ бузинную заросль.

Прапрадѣдъ Лотъ,
Прощивъ свой скотъ...

— Отцы!.. Отцы!..

Попался съ дочкой въ гротъ,—
Удивительно...

— Отцы, прошу вниманія!.. Отцы!..

Шумъ и пѣніе на минуту примолкли.

— Ты что, Скудель?

— Вниманіе, отцы!..

Пансій, держа передъ собою листъ бумаги, подонелъ на не-
твердыхъ ногахъ къ Любови Алексѣевнѣ.

— Сейчасъ будетъ читать свое сочиненіе,—сказалъ Вострукину
худравый, съ пресѣдью, поповъ:—онъ у насъ пѣтъ.

— М-ать!—балаганно воздѣвъ руки Пансій.—Любве!

Въ двадцать пятое іюня—день рожденія Любви.

Господи, Твоя воля, о риема, я—не Людвигъ,

Ни Сократъ, ни Пушкинъ, даже не Пенетій,

Ни Вольтеръ, ни Руссо да и не Викентій...

— Лихо! — изумленно воскликнулъ помощникъ лѣсничаго.

— Ну-ну!..

Чудная, дивная, по Премудрости прелесть.

Отъ слова: трель—пѣснь. И какая прелесть!

Въ тромбонъ парить, Орле все зрить...

Къ слову: тучно, Любовь—очень звучно, въ дабы,

Ибо Богъ есть—любим...

— Ого!

— Онъ вонъ куда закинулъ!..

— Чепуха! онъ гдѣ-нибудь списалъ!—истерично закричалъ, вска-
кивая, веснущатый семинаристъ—запѣвало. — Не вѣрете ему, онъ
лжетъ!

Рывавшій дьяконъ поднялъ голову съ колѣнъ художника.

— Настюша... Гдѣ моя Настюша?

— Тесс!..

— Постой, дьяконъ!..

Вы, Любовь, и славны, и экспромтны.

Моментально опѣшены, почти какъ бы нотны.

И чудесны, и прелестны, и до силы такъ красивы,
Что даже не спѣсивы... и ни въ чемъ не пасивны...

Пансій прижалъ руки къ груди и склонился передъ попадѣей.

— Мать, Любве! я кончилъ. Все это весьма вѣрно!

Поднялся вой, загремѣли аплодисменты. Пансіа качали на ру-
кахъ, потомъ цѣловали.

А рѣка чуть-чуть плескалась. Солнце, перешедшее за полдень,
мало золотило верхушки лѣса. Затихалъ, матовѣлъ день.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Возвращались поздно, когда стемнѣло. Передъ этими лозинами
бреднемъ рыбу. Жгли костры. Спавшійся начальникъ стацимъ, ко-
варачный, въ трезвомъ видѣ молчаливый, ушибленный, не захотѣлъ
вылѣзть изъ воды. Больше часа надъ нимъ стояли, уговаривали
вылѣзти.

— Простудился же, балда!

Кривоногія дѣти его, хватаясь за материну юбку, горько плакали.

— Папочка, выходи, утонешь!.. Папочка, утонешь!..

Начальникъ, забившись въ илъ, угрожающе рычалъ, не подни-
мая никого.

Наконецъ, кто-то догадался крикнуть:

— Не хочеть идти и чортъ съ нимъ!.. Пойдемте, господа, ста-
вить рыбу.

На берегу остались жена съ дѣтьми, но и ихъ насильно ута-
щили къ костру.

— Онъ скорѣе вылѣзетъ. Да не скулите, ну васъ къ чертямъ,
сидѣли бы дома!..

Минуту черезъ десять камышъ, дѣйствительно, затрепеталъ; за-
плескалась вода; зачавкала тина. Зло, пьяно косоурясь на сидѣвшихъ,
къ костру подошелъ начальникъ, съ погъ до головы облѣпленный
грязью. Мужчины содрали съ него одежду, сапоги. Начальникъ ко-
вульсивно подергивался и сквозь зубы ругался матерщиной. У
худраваго попа напалась фуфайка. Двусмысленно спрашивали, у кого

есть лишние кальсоны. Нашлись и кальсоны, и шапка, и верхнее платье—остро пахнувший потомъ рабочий армякъ. Дали залпомъ выпить полбутылки перцовки, совали въ непослушныя руки подгорѣвшіе, полусырые куски рыбы. Съ набитымъ ртомъ, здѣсь же у костра, начальникъ потерялъ сознание отъ выпитой перцовки. Дѣти снова принялись рыдать, а имъ наставительно говорили:

— Дѣти, ведите себя скромнѣе, вы ужъ надоѣли съ вашимъ визгомъ.

— Папочка умереть...

— Да ничего подобнаго! Проснитесь и только. Вы рыбу кушали?

И снова всѣ пили, пили... Словно въ бездонныя бочки опрокидывали стаканъ за стаканомъ.

Вечеръ былъ теплый, тихій. Въ ряби уснувшихъ деревьевъ матово просвѣчивалъ дрожащій млечный путь. Подъ ногами шаркали сухія оловяныя шинки, хрустѣлъ мелкій валежникъ. Брызгая росой, долго качались задѣваемые локтями вѣтви кустарника. Любовь Алексѣевна устало опиралась на руку художника. Шли молча. Крадучись, скользя межъ темныхъ силуэтовъ соснъ и елей, то присѣдая въ кусты, то неожиданно ярко глядя прямо въ ихъ посѣдѣвшія лица, лукаво подмигивая, о-бокъ съ ними плыла златоцвѣтная Венера.

На просьбѣ попадались нни, шли осторожно.

— Прошлый годъ здѣсь былъ пожаръ,—вымолвила попадья.— Вамъ не приходится видѣть лѣсныхъ пожаровъ?

— Нѣтъ, не видѣлъ.

— Это страшно.

Изрѣдка безшумными струями ихъ лица опахивалъ свѣжій вѣтеръ съ полей: была близка опушка. Глуше, затаеннѣе доносилось дыханіе лѣса.

Во ржахъ ихъ съ грохотомъ обогнала телѣга, до верху набитая пьяными.

— Кто идетъ? — окрикнулъ пьяный голосъ. Вострухинъ узналъ голосъ Скудели.

— Свои,—отвѣтила Любовь Алексѣевна.

— Кто свои?

— Свои,—раздраженно повторила она.

— Ты, мать?—перегнувшись черезъ грядку телѣги, спросилъ

Паисій. — А это академикъ?.. Плодитесь, множтесь, наполняйте землю... Погоняй, Акимъ!..

Работникъ зачмокалъ, задергалъ локтями, Скудель ткнулся головой въ повозку; какъ рога улитки, изъ пеньковой опутки задка торчали его высунувшіяся длинныя, нескладныя ноги.

Словно несбозримое море, раскинулись хлѣба: словно мачты далекихъ кораблей, темѣли на рубежахъ одинокія деревья. Радостно гурѣли и улыбались звѣзды. Страданіе ли въ мертвой хваткѣ душилъ землю, братоубійственная-ли распря горячей кровью кропитъ лицо ея, моръ ли, голодъ, стихійныя ли бѣдствія опустошаютъ ее, звѣздамъ, холоднымъ, улыбчивымъ стекляшкамъ, все равно: въ дни тяжкихъ бѣдствій, въ минуты маленькой, скудной радости онѣ одинаково преданно-привѣтливы.

Спустились въ логу.

— Кажется, табунъ почувствъ, обойдемъ стороной,—въ полголоса проговорила Любовь Алексѣевна.

Свернули по межѣ и сразу будто погрузились по колѣни въ холодную воду, такъ было росно.

— Нѣтъ, не могу,—растерянно улыбнулась попадья, приподнимая и отряхивая платье:—промочила ноги. Пойдемте тихонько мимо. Будутъ «шутить» надъ нами, не обращайтесь пожалуйста, вниманія.

Въ логу былъ не табунъ, а все та же телѣга съ пьяными. Работникъ хмуро сидѣлъ на передкѣ, а трое поповъ ползали по дорогѣ на четверенькахъ. Подъ локтями ихъ и подрясниками шуршала разгребаемая пыль.

Вострухина и попадья молча пронесли. Только работникъ негнотно бормоталъ что-то. А когда они отошли сажень на сорокъ, догналъ Паисій.

— Новорожденная!.. Имянишница!.. Любе!.. Красивы ваши первы, къ лицу самой Минервы!.. Пришла въ голову загадка: стоитъ баба на юру...

Попадья осторожно высвободила руку изъ руки художника и больно ударила Паисія по лицу.

— Да за что-же?—спросилъ онъ, закрываясь руками.

Около нихъ опять прогремѣла телѣга.

— Пансіі! Скудель! иди, а то уѣдемъ!—кричалъ мудравый.— Харонъ, придержи ладью!..

Акимъ натянулъ вожжи. Не отнимая рукъ отъ лица, Пансіі раз-
выпченно побѣждалъ къ повозкѣ.

— По харѣ смазала, стерва,—откашливаясь, глухо пробормоталъ онъ.

— Да? Ловко. По дѣломъ вору мука: не лѣзь, куда не просить... Трогай, Акимъ!..

Мы мордою пали среди мо-стовой

Въ любви беззавѣтной къ напн-иткамъ...

Скрытъ, хриплымъ, обрывающимся на колцахъ поновшимъ го-
лосамъ протяжно и жалобно отзывался филень.

— Обождемъ, пока уѣдутъ, присядемъ,—вымолвила попадья.

Сѣла, не дожидаясь, на подорожникъ и заплакала.

На востокъ кроваво загорѣлись верхушки деревьевъ.

Мы отдали все, что имѣли за нихъ:

Одежу, оборки и ни-итки...

— Сядьте-же!..

Туманно-огненнымъ полукругомъ, пересѣченное по диаметру ко-
маной линіей горизонта, разрасталось зарево. Какъ будто прижухи,
стали темнѣй и ниже сумеречныя дали, какъ будто выше поднялись
въ молитвенномъ благоговѣніи еще строіе, еще не налившіеся,
еще прямые, колосья ржей на фонѣ багрянаго пятна. Медленно-мед-
ленно, съ какими-то мучительными потугами изъ-за дѣса выплывала
огромная, жуткая луна. Очарованный художникъ замеръ, трепеща
каждымъ нервомъ... И вдругъ что-то теплое, мягкое обвило его шею,
онъ вскрикнулъ, инстинктивно рванулся, но жаркія руки сдвинули его,
а сухія, горячія губы искали его губы, щеки жгто дыханіе...

— Не надо!.. Не надо!..—застоналъ Вострухинъ.—Не надо!..

Женщина судорожно рвала на себѣ платье, вся огненная, до боли
прижимала его лицо къ вздымавшейся груди своей.

— Милый!..

— Не надо!—закричалъ Вострухинъ, выбиваясь и, какъ въ
бреду, епетыкаясь, падалъ, небѣжалъ отъ нея.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Къ утреннему чаю Варя не вышла. Ходила по своей комнатѣ,
густо насыщенной запахами цвѣтовъ,—надо было что-то додумать,
что и ночь, и день, и сегодняшнее утро мучительно не давалось. Ма-
шинально останавливалась передъ зеркаломъ, разсматривала свое
лицо, припухшія, красныя вѣки.

Что, собственно, произошло между нею и Вострухинымъ? Наруж-
но—ничего. По-прежнему гуляли, сидѣли въ саду, катались по рѣкѣ,
а той тонкой, святой ниточки, что вяжетъ сердце съ сердцемъ, ко-
торая сильнѣе всякой силы притягиваетъ человѣка къ человѣку, будто
ужъ и не было. Но—будто, потому что на самомъ дѣлѣ каждый изъ
нихъ мучительно хотѣлъ быть вмѣстѣ, глубоко страдалъ, думая, что
коонецъ этой ниточки оборвался не у его сердца, а у сердца другого.
Издерганному «отдыхомъ» Вострухину казалось, что съ того мо-
мента, какъ онъ безразсудно посягнулъ на чужую душу — душу
Евлампія, — съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлалъ это гадкое, ничѣмъ не
оправдываемое кощунство (онъ иначе не называлъ это, какъ ко-
щунствомъ) съ этого времени онъ такъ нравственно уналъ, заграж-
нился, сталъ такимъ недостойнымъ этой чистой, свѣтлой дѣвушки,
что у него не хватало силъ открыто посмотрѣть ей въ глаза: вѣдь
не можетъ же быть, чтобы она не знала о его гнусномъ поступкѣ,
она же такъ настойчиво тогда стучала въ двери: вѣроятно, видѣла,
какъ заходилъ къ нему съ этой проклятой книжечкой пастухъ,—
можетъ быть, пастухъ даже сказалъ ей объ этомъ, можетъ быть,
уже вся поповка знаетъ, что онъ читалъ ее, а потомъ, крадучись,
сжегъ.—видѣла, догадалась по лицу, по всему дальнѣйшему поведе-
нію, все знаетъ и должна, именно—должна, презирать его и не-
премѣнно презирать и только изъ жалости.—не къ нему, а къ своей
свѣтлой ошибкѣ—выбору его!—изъ жалости не показываетъ вида,
не подчеркиваетъ—взглядами, жестами, всѣмъ поведеніемъ своимъ—
брезгливости къ нему, ибо что-же, кромѣ отвращенія и брезгливости,
заслуживаетъ онъ?! И то, что онъ обманулъ ее, представился хо-
рошимъ, достойнымъ ея, а на самомъ дѣлѣ оказался грязнымъ, она
никогда не проститъ ему: какъ-нибудь нервы не выдержать и гнѣвно

прорвется это наружу и съ отвращеньемъ будетъ брошено въ лицо. Съ тоскою, съ жуткимъ замираньемъ, со дня на день, съ часу на часъ, ждалъ этого, боялся, малодушно отсрочивалъ убійственный моментъ, избѣгая ея, прячась...

А Вара думала, что весенній ливень, мутные потоки воды на большакъ, по которымъ она прыгала босыми ногами, старенькій придѣлъ и ликъ Христа, любовно ее благословившій, эти золотыя приди солнца, пробивавшіяся въ омытыя дождемъ окна, эти слезы счастья и этотъ смѣхъ,—все это было только мучительно сладкій, несбывшійся предутренній сонъ, только случайное дуновение вѣтра, слабо всколыхнувшее завѣсу счастья: онъ же—художникъ, петербуржецъ, образованный, враждавшій въ кругу красивыхъ, умныхъ, нарядныхъ женщинъ, ну, можетъ-ли онъ полюбить ее, простую, застѣнчивую, полудеревенскую дѣвушку, дочь пьянаго попа... ну, можетъ-ли?.. Былъ неосознанный порывъ, можетъ быть, даже маленькое увлеченіе,—вѣдь здѣсь такъ глухо!—а когда взглянулся ближе, понялъ ошибку, раскаялся, изъ жалости не говоритъ этого, но избѣгаетъ, боится ея... Боится привязать себя на шею камень (вѣдь камень же, камень я для него!)... Надъ нимъ тамъ будутъ смѣяться: поповна, неvěжа, бранилась съ бабами изъ за недоданнаго собода!.. Ни ступить, ни сѣсть не умѣть!.. Но зачѣмъ же шадить? Къ чему жалость?.. Лучше сразу, теперь же, открыто...

Вашель Никодимъ.

— Ты что это, дочка?.. Доченька!..

— Я ничего, папа. Мнѣ нездоровится.

— Все грустная и грустная... Похудѣла... Болитъ что-нибудь?

Посадилъ ее около себя, гладилъ волосы, нѣжно, любовно цѣловалъ ея руки.

— Ты мнѣ скажи, доченька... Я—отецъ, пойму тебя...

Вара заплакала.

— Не поймешь, папа... Ты не поймешь...

— А ты скажи... Что-нибудь съ нимъ вышло?—черезъ силу прошепталъ понъ.—Обидѣлъ тебя?

— Не смѣй!.. Ты!..—вскочила дѣвушка.—Ты!..—Задохлась отъ гнѣва. Какъ пружина, выпрямилась, треща каждымъ мускуломъ,

и гнѣвно жгла отпа воспаленнымъ, сухимъ взглядомъ.—Ты?.. Уйди!.. Не смѣй о немъ!.. Ты не отецъ мнѣ... ты это знаешь!..

Догнала его въ корридорчикъ, судорожно ловила за руки, твердя сквозь рыданія:

— Какой же ты отецъ? А? ну, какой ты отецъ?.. Я же все знаю!.. Знаю, кто ты!.. Ну, какъ же ты поймешь меня?..

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Сотскій, нѣсколько разъ стучавшійся въ двери, пріотворилъ ихъ.

— Здравствуйте были...

— За-чѣмъ?—звѣремъ кинулся Никодимъ, выбрасывая его въ сѣни.—Зубы выбью, стерва!..

Какъ перо, приподнял лишившуюся сознанія дѣвушку, изступленно бѣгалъ съ нею по корридору, отыскивая кувшинъ съ водою.

— Я не причѣмъ, вѣрно передать письмо живописцу, я...—безтолково бубнилъ сотскій.

Никодимъ раскрылъ ротъ, затрясся.

Сотскій опрометью слетѣлъ съ крыльца и, какъ котъ въ мѣшкѣ, шарахался по налесадику. Видя, что за нимъ не гонятся, сию-нуль и пошелъ искать Вострухина.

Ефимъ Михайловичъ сидѣлъ въ саду, за ульями.

— Что тамъ дѣлается!—развязно подошелъ къ нему сотскій.—Барышня чѣмъ-то провинилась... Зашибъ было меня, чортъ!.. Получайте письмо.

Досталъ изъ шапки просаленный, мѣстами мокрый отъ пота конвертъ.

— Плохо, братъ, твое дѣло: подъ судъ отдадутъ. Погляди-ка, какъ тебя чѣстятъ: жуликъ, прохвостъ, на ворованныя деньги раздобылъ, какъ боровъ. Общество собирается писать на тебя приговоръ, чтобы запретили дѣлать богоевъ. Ты только, Боже тебя сохрани—помилуй, не проболтайся, отъ кого слыхалъ. Въ нуждѣ—согрѣсь на работниковъ. Кассию, грядь, надобно проверитъ, не убралъ ли

церковныя деньги,—Василій Мартыныч подучаетъ... На сорокевку мнѣ дашь?

Письмо было вскрыто. Вострухинъ вопросительно поглядѣлъ на сотскаго.

— Это ты читалъ?

— Его вся деревня читала,—дернула бородою мужикъ:—я безграмотный...

Писалъ Семьковъ.

«Ну, что, Ефимушка, забылъ про насъ? Улетѣлъ въ чужую дальнюю сторонку и ни гу-гу! Погоди, мы тебѣ покажемъ, какъ раки зимуютъ. Сталъ забывать товарищей. Видно, по душѣ приглялась деревенька-матушка, это не Питеръ, ну что ему быть, мы тутъ задохлись отъ пыли».

Спрашивалъ, слышалъ ли онъ звонъ дѣла: совѣтовалъ ходить туда ранними зорями.

«А на рѣку, Ефимъ, ходи въ лунныя ночи, когда еще только только начинается подыматься паръ отъ воды, и сиди гдѣ-нибудь такъ, чтобы не слышно, что дышишь: за это можно полъ-себя отдать»...

«А благовѣсть слушай изъ рѣкы, за мѣ, за три версты отъ церкви: прилажь и слушай»...

Спрашивалъ, какими ему показались мужики, деревня, отдохнувши?

Вострухинъ сложилъ письмо и молча пошелъ къ валинкѣ.

— Знаешь — что? — таинственно зашепталъ сотскій, догоняя его: — давай дѣловый, дѣло посоветую. Покуда они тамъ со скамьями, соберись—да айда! Я и отвезу на чугунку, животи ихъ стяхни, моя душа тоже нить-бѣсть хочеть... Только меньше, какъ за троякъ не перевзу, уговори дороже денегъ... узнають, бить будутъ.

— Пошелъ прочь!

Вечеромъ сотскій докладывалъ союзу:

— Пряхому, а тамъ гвалтъ на всю губерню: ночь захватили, ночь съ этимъ въ кровати... Та въ ногахъ валяется, волосы на себѣ деретъ... Ага, молъ, попробовала ветчинки!.. Никодимка:—«Что мнѣ дѣлать? ты мнѣ голову съ плечъ сняла!»—да вдарить, вдарить ее. А тотъ въ саду, жидъ вѣтъ. — Здравствуйте. — «Здравствуй, какъ

поживаешь?» — Ничего себѣ, какъ вы? письмо вамъ принесъ... — Глянулъ, чего написано, поблѣлъ, позеленѣлъ, хватъ себя руками по лямкамъ:—«Аминь мнѣ!»—А я, будто, ничего не понимаю:—какъ, молъ, аминь, ай мамаша занедужила?—А онъ зыкнулъ туды-сюды глазами:—«Хочешь десятку денегъ?»—Отъ добра, грю, не отказываются, есле ваша милость будетъ, покорно благодарю.—«Можешь свезти меня почью на чугунку, десятку не пожалѣю!»—Нѣ, молъ, никакъ не могу: кобылепка хромаеть... хотѣлъ было сказать: не на дурака нарвался, да вымолчалъ: съ сердцовъ-то дать блямбу въ ухо...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

На князя Владимира съ утра по Салтыкамъ гулялъ подъ руку съ женой Понадейкиной въ новой урядничьей формѣ. Его окружали Корень, Василій Мартынычъ, конторщикъ изъ экономіи и нѣсколько салтыковскихъ богачей. На женѣ была шляпка съ крашеными кѣтушками перьями, лиловая кофта, въ рукахъ зонтикъ. Блестящая кокарда Понадейкина, посеребренные погоны, шашка съ начищенной рукояткой и револьверъ приводили въ столбнякъ встрѣчныхъ. Сразу будто на пол-аршина выросшій Понадейкинъ милостиво раскланивался.

— Что вы оробѣли, ай не узнаете?

— Теперь онъ насъ въ пылъ можетъ растереть!—съ восхищеніемъ говорилъ Корень, выномомъ крутясь около него.

Къ полудню всѣ вдребезги навились пьяными. Вражья красными глазами. Понадейкинъ въ растегнутомъ мундирѣ, съ выбившеюся изъ-за голенища лтанниною, револьвъ на всю улицу, размахивая гармоніей:

— Я вамъ покажу леворюцію!.. Какъ гнидь, подавлю!..

Пытался выхватить револьверъ. Его останавливали. Брызжа кѣною, онъ швырялъ отъ себя жену и ктитора, порвалъ на пемъ рубаху. Улица вымерла. Всѣ затворили наглухо двери. У одного двора щипать траву хромой ягненокъ, привязанный на обрывокъ.

— Заводитъ не знаете?.. Самоуправство! Овца должна ходить

во стадо!—затрясся Попадейкинъ; схватилъ ягненка за ноги, мотался съ нимъ отъ двора къ двору, выпрашивая, чей онъ? Не найдя хозяина, зло швырнулъ его въ окно къ Онанкѣ, но не попалъ, ударилъ о палочникъ; ягненокъ такъ и не поднялся: слабо подергиваясь, пачкалъ окровавленную морду въ пыли.

Компанія со смѣхомъ направилась къ площади. Попадейкинъ вездѣ находилъ непорядокъ, опрокидывалъ телеги, колымажки, у встрѣтившейся бабы отнялъ ведра съ водою и бросилъ ихъ въ канаву: на ведряхъ не оказалось какихъ-то пужныхъ клеймъ.

На концѣ деревни дорогу переходилъ старикъ Андрей, отецъ казенныхъ. Андрей ослѣпъ. Сгорбившійся, худой, съ бѣлою, какъ свѣтъ, головою, въ бѣлыхъ, чистыхъ онучахъ, онъ шупалъ палкой впереди себя дорогу, бредя къ избѣ.

— Эй, жидюга!—крикнулъ Попадейкинъ:—скройся съ моихъ глазъ!

Старикъ остановился, поднималъ вверхъ бороду, прислушиваясь.

Попадейкинъ ударилъ его кулакомъ по головѣ. Андрей упалъ.

— Брось. Сань, шутъ съ нимъ,—уговаривали подлокотники.—Эко разгорѣлся изъ за пустого дѣла.

— Забѣмъ!—пинала сапогами Андрей, рвался Попадейкинъ.—Всю леварюцию на куски порву!..

Съ огорода выскочилъ Петяшка. Корень и Попадейкинъ бросились къ нему навстрѣчу, смяли, какъ цыпленка, и долго, больно били.

Въ это время на колокольный раздакъ похоронный перезвонъ.

— Айда въ церковь!—скомандовалъ Попадейкинъ.

Ктитору съ женой отстали. Остальные бросились къ церкви.

Изъ-за сиреневой поросли, остатковъ сада проторѣвшихъ дворянъ, небольшая группа мужчинъ и женщинъ несла съ ближняго хутора гробъ. Въ старенькой, вытертой скуфейкѣ, блѣдно-желтый, осунувшійся, съ темными подглазницами, впереди процессіи шелъ о. Евлампій. Рядомъ съ гробомъ, какъ пьяная, пошатывалась еще не старая баба,—вѣроятно, мать.

— Кто лежитъ покойный?—остановилъ ихъ Попадейкинъ.—Никто полицейское разрѣшеніе?

Потребовалъ снуеть носилки съ плечъ, отвернулъ засаженное наречное покрывало: умерла дѣвушка.

— Александръ, побойся Бога, что ты дѣлаешь?—прижимая безкровныя руки къ груди, прошепталъ Евлампій.

Потухшее кадило слабо звякнуло закопченными мѣдными пѣпочками объ острую колѣнку его. На красновато-пыльную траву выкатилось нѣсколько сѣрыхъ угольковъ. Попадейкинъ вскинулъ на священника глаза, оправилъ питанину и, шагнувъ къ нему, прохрипѣлъ:

— Благословите, батюшка.

Евлампій благословилъ его дрожащею рукою.

Попадейкинъ приказалъ принести бумаги и карандашъ. Заставилъ Корня согнуться; положивъ бумагу къ нему на лопатку, соизволя, мусля карандашъ, записалъ имя и отчество умершей, лѣта, родителей, время и причину смерти; пересчиталъ и записалъ всѣхъ провожавшихъ покойницу, въ томъ числѣ и о. Евлампія, и переобувавшагося въ сторонѣ нищаго, и вихрастую дѣвочку съ плетушкою картошекъ.

— Больше никакихъ послѣдствій не предвидится?

Никто ему не отвѣтилъ. Было очень жарко. Изъ гроба удручающе несло тѣломъ.

— Оканчивай, Сань, я уморился,—несмѣло промолвилъ Корень.

Попадейкинъ размахисто подписалъ: «Погребать можно, медицинской осмотръ былъ», и отдалъ этотъ клочекъ бумаги матери умершей.

Въ церкви отстоялъ со всѣми ванихиду, не въ ладъ молился Евлампію. Съ трудомъ упростили не читать Апостолъ.

Когда передъ вечеромъ Вострухинъ вошелъ къ себѣ въ комнату, она была полна пьяныхъ. Въ корридорѣ, на полу, на подоконникахъ, подъ ногами, валялись его бѣлье, кисти, картонки съ эскизами. Изъ кармана Корня торчалъ рукавъ его ночной сорочки. Посреди комнаты, нагнувшись надъ чемоданомъ, Попадейкинъ выбрасывалъ на снятую кровать остатки вещей.

— Пришелъ!—крикнулъ Корень, хватая художника за шиваки.—Держите его!

Попадейкинъ выпрямился, заложилъ руки въ карманы. Спросилъ, раздувая ноздри:

— Ну?

— Кто вамъ позволялъ?—прерывающимся отъ обиды голосомъ прошепталъ Вострухинъ.

— Что-о? Я—власть.

Художникъ бросился съ кулаками на Понадейкина, но четыре пары рукъ крѣпко сдавили ему плечи.

— Драться?.. Кишки на кулакъ вымотаемъ!..

— Куда спрятали запрещенные листки? Обыскать!—распорядился Понадейкинъ.

Двое распялили руки и ноги художника, двое вывернули карманы, сняли пиджакъ, шарили по тѣлу.

Вострухинъ заплакалъ.

— Разслюнявился, ядрена палка!—насмѣшливо провѣдывая Корень, подставляя кулакъ.—Божьи деньги воровать мастеръ, а то хлипасъ?.. Вотъ какъ звѣздану!..

Художника съ презрѣніемъ вытолкали за двери.

Словно въ огнѣ горѣло вечернее небо. Мягко шумела подъ ногами еще теплая отъ полуденнаго зноя трава. Прирѣтливо начались созрѣваніе колоса. Поникъ золотымъ головками лѣнь. Въ сѣнной рубашкѣ, безъ шляпы, стена, какъ тяжело больной, по хлѣбамъ бродилъ Вострухинъ. А почти рядомъ съ нимъ, на днѣ пологого оврага, метался, извивалъ въ безслезной мукѣ Вася, подростокъ.

Въ вершинѣ оврага они почти столкнулись, но, какъ слѣпые или какъ два непримиримыхъ врага, будто не замѣтивъ другъ друга: одинъ опять пошелъ на дно оврага, а другой, сжавъ виски, стоялъ на мѣстѣ и туно смотрѣлъ парню въ спину.

Подулъ легкій вѣтеръ. Тысячью струнъ ему отозвалась рожь.

— Васи!..

Подростокъ шагалъ въ пятидесяти лѣтъ внизъ лѣномъ на траву.

— Васи!..—подомель Вострухинъ. Что-то, казалось, надо было сказать ему. Съ трудомъ перебиралъ въ головѣ обрывки блѣдыхъ мыслей. Присѣлъ рядомъ. Ничего не нашелъ. И лишь непроизвольно вырвалось:—Мнѣ надо уѣхать!..—Положилъ свою руку на руку его.—Мнѣ надо скорѣе уѣхать!..

— Уѣзжайте, чортъ съ вами!—зло дернулся тотъ.

Возле. У ногъ ихъ кочались обкошенные прутья некакого шавеля и томерицы. Сладко пахла пшѣтами и луговыми коровьими землей. Гудѣлъ жукъ-коровятникъ. Какъ красноперая мотылька въ неводъ, въ потемнѣвшихъ колосахъ трепыхалась робкая вечерняя звѣзда.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

До станціи Вострухина провожали Варя и Евлампій. Садки на бѣловомъ жеребчикѣ трясся стражникъ.

Было еще рано, свѣжо; спали, наклонивъ къ землѣ росныя вѣтви, сады. Старый, съ измятыми крыльями тарантасъ высоко подбрасывалъ на колесахъ, звенѣлъ расшатавшимися костылями и гайками. На пыльной улицѣ сѣла изъ подъ ногъ лошадей то и дѣло шаркались заснувшія овцы.

Прижавшись въ самый уголъ тарантаса, въ вырѣзѣ подрысникъ, съ низко нагнутой на глаза шляпой, сидѣлъ Евлампій. Когда тарантасъ подбрасывало, онъ испуганно привставалъ, хватаясь за поручни, и долго, внимательно слѣдилъ за тѣмъ, какъ разбитавшееся во втулкѣ заднее колесо отпечатывало ржавыми клещами равномерно чередующіеся квадратики по пыли.

Одна за другою пробѣгали дремлющія избы, сараи, амбарушны. День еще не начинался, было тихо, только дребезжалъ и хлюпалъ тарантасъ, фыркали и стучали копытами лошади да остро пахло донникомъ въ махоркѣ, которую курилъ работникъ.

Сидѣвшая между Евлампіемъ и Вострухинымъ Варя разстѣпавъ глядѣла по сторонамъ, изрѣдка слабо пожимая руку Вострухина. Она не спала ночь, вѣки ея опухли, взглядъ казался блеклымъ.

Пробѣжали мимо Мареевой хибарки, въ окнѣ мелькнуло что-то: не то дѣтская рубашечка, не то борода Ованки. Вострухинъ хотѣлъ было остановить лошадей, чтобы забѣжать и проститься, но лишь вяло махнулъ рукой.

— Ты—что, Воструша?—наклонилась дѣвушка:—еще кружится голова? Приляжь ко мнѣ!..—Положила къ себѣ на грудь его голову, сладко, любовно гладила ее, а по похуѣвшему личику лилась слеза.

— Воструша... Воструша...

Мелькнули послѣднія избы. За ними, то скрываясь межъ зеленыхъ нитенъ поросли, то сѣрой паутиной перебрасываясь отъ столба къ столбу, потонулась поскотина. Тамъ и тутъ въ кустахъ чернѣли мокрыя отъ росы спины мужицкихъ лошадей, брикали бѣлага. Изъ казеннаго лѣса, по за конопатниками, крадся съ охотой валежникъ.

подростокъ.. Куная кошка перебѣжала дорогу. Работникъ сплелъ. Изъ-за полуразрушенной ограды кладбища босоногая дѣвка выгоняла корову.

— Акимъ, постой на минутку: подкова отстаетъ!—крикнулъ стражникъ.

Брызнуло солнце. Сразу широко раздвинулись дали, цвѣтнымъ бисеромъ загорѣлась сѣдая роса, засіялъ, заулыбался въ снопѣ мрѣющихъ искръ крестикъ надъ кладбищенскими воротами. Темная, изъѣденная временемъ иконка въ придорожномъ столбѣ блеснула тусклымъ металлическимъ вѣнчикомъ. Яркими точками проступила изъ подъ бурога мха золотая надпись надъ входомъ:

«Въ домѣ Отца Моего уготованы обители многи».

Бросивъ корову, дѣвка съ любопытствомъ разглядывала проезжавшихъ.

— Чего вылаупилась, не видишь, священство ѣдетъ?—спросилъ работникъ.

На селѣ заигралъ рожокъ. Голосисто залаяла собака. Круглыми, мереливающимися шапками поднимался въ небо и таялъ дымъ. Ежась отъ прохлады, изъ шалаша на гороховомъ полѣ вылѣзъ сѣдой дѣдъ, широко перекрестился на восходящее солнце, сложилъ щиткомъ надъ бровями ладони, оглядывая поле, большакъ, стайку весело стрекочущихъ ребятешекъ, направлявшихся къ лѣсу.

— Извините меня, Ефимъ Михайловичъ...

Художникъ вздрогнулъ. Не поднимая глазъ, еще болѣе ссутулившись, весь превратившись въ нескладный сѣрый комочекъ, Евлампій крѣпко сжималъ ладонями колѣни свои. Пряди волосъ темными полосками легли по щекамъ его и воротнику подрясника; изъ подъ нихъ бѣлѣло маленькое, сухое ухо.

— Знаете... Извините меня...—подавшись впередъ, быстро, несвязно заговорилъ онъ.—Меня мучаетъ много... Вы вотъ жили у насъ почти лѣто... И вотъ уѣзжаете. И мы никогда, быть можетъ, не увидимся... Вы—новый человекъ для насъ. И мы вамъ были новы. Вы видѣли нашу скудную жизнь...—Евлампій закрылъ глаза, шепча чуть слышно:—Что же добраго понесете вы отъ насъ въ сердцѣ?.. Понесете ли?.. мнѣ надо это знать... Я приглядывался къ вамъ, и мнѣ больно было...

Забормоталъ что-то совсѣмъ несвязное, торопливо досталъ смятый платокъ, комкалъ его трясущимися, прозрачными пальцами.

— Знаете, необходимо быть осторожнымъ... весьма осторожнымъ!.. Я, знаете... боюсь вашихъ выводовъ, господинъ художникъ!.. Такъ нельзя, нельзя, нельзя!..

Мурлыча подъ носъ, стражникъ, оправившій подкову, снова вскарабкался на бѣлоногого. Тараптась опять захлопавъ, задержался по неровной дорогѣ.

По обѣимъ сторонамъ ея разстилались сжатые поля, мятна поздней яри, полосы картофеля, ковры темно-зеленаго проса.

Вдали стройными колоннами, какъ войска на блестящемъ парадѣ, двигались конны. Не зарумянились еще листья на деревьяхъ, но сини озимей и колкому живью не заткала еще Богородица зимы своею бѣлоснѣжной пряжей-паутиной, не обжегъ еще утренникъ блѣдно-розовый выюнъ и кораллъ рябины, не расширилась и не поджала жесткихъ пальцевъ конопля,—а лазурь неба уже по-осеннему замолчила, воздухъ сталъ прозрачнымъ, тонкимъ, хрустящимъ.

Устало, съ натугой шевелились мысли.

«Что же добраго понесетъ онъ въ своемъ сердцѣ и понесетъ-ли»—думалъ Вострухинъ.

— Понесетъ-ли?—горько повторился въ глубинѣ души вопросъ. Вострухинъ взялся за голову и, какъ маленькій, закрылъ глаза.

Капри.

1914.

M7533

Цѣна 3 рубля.

орв

117533

Издательство „ДЕННИЦА“.

МОСКВА, Знаменка, Малый Знаменскій, 8.

Телеф.: 52-82, 2-48-74.

НОВЫЯ КНИГИ:

- М. Н. Покровскій.** „Внѣшняя политика“.
Ю. М. Стекловъ. „Очерки по исторіи революціон-
ныхъ и Общественныхъ движеній въ Россіи“.
К. Н. Левинъ. „Герценъ“. Личность и идеологія.
Н. М. Никольскій. „Исусъ и первыя Христіанскія
Общины“.

- В. Фриче.** „Пролетарская поэзія“.
В. Фриче. „Галилей“.
Ада Негри. „Стихи“.
Гельзуортси. „Борьба“. Соціальная драма въ 3-хъ
актахъ, пер. Л. Покровской съ эскизами декора-
цій въ краскахъ худ. В. Денисова.
Кишлингъ. „Поправка Маленькаго Тода“.
Сервантесъ. „Два Болтуна“. Интермедія.
В. Керженцевъ. „Революція и театр“.
Е. Д. Россель, директоръ Ротгемстедской опытной
станціи: „Удобреніе для полученія высокихъ уро-
жаевъ“, пер. и предисловіе профессора К. А. Ти-
мирязева.

